

Двор

российских императоров

Энциклопедия
жизни и быта

1

Игорь Зимин

**Двор российских императоров.
Энциклопедия жизни
и быта. В 2 т. Том 1**

Издательство «Кучково поле»

2014

УДК 94
ББК 63.3

Зимин И. В.

Двор российских императоров. Энциклопедия жизни и быта. В 2 т.
Том 1 / И. В. Зимин — Издательство «Кучково поле», 2014

ISBN 978-5-9950-0386-1

Императорский двор – сложное и многообразное понятие. Это не только представляющие его люди, но и стиль их жизни и работы, официальные мероприятия и приватные события, международные контакты и отдых, рождение, воспитание и обучение детей монаршей семьи. Российский императорский двор имел свой особый ритм жизни, не исчерпывавшийся лишь торжественными ритуалами и приемами. Данный труд основан на огромном фактическом материале, архивных документах, мемуарной литературе и отчетах Министерства императорского двора и является результатом большой работы по их систематизации и популярному изложению. Внимательный читатель получит исчерпывающее представление как об истории двора, так и о самых различных сторонах его повседневной жизни. Книга рассчитана на широкую читательскую аудиторию и адресована всем, интересующимся историей Отечества.

УДК 94
ББК 63.3

ISBN 978-5-9950-0386-1

© Зимин И. В., 2014
© Издательство «Кучково поле», 2014

Содержание

Введение	7
Часть 1	9
Глава 1	9
Император Александр I	9
Император Николай I	11
Император Александр II	18
Императрица Мария Александровна	20
Император Александр III	22
Император Николай II	26
Императрица Александра Федоровна	33
Императоры верхом	40
Глава 2	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сергей Викторович Девятков, Игорь Викторович Зимин

Двор российских императоров: Энциклопедия жизни и быта. В 2 т. Том 1

Редакционным совет

Председатель: Е. А. Муров

Первый заместитель председателя: А. Н. Беляков

Заместители председателя:

О. А. Климентьев, А. И. Лащук, А. Г. Миронов, В. Д. Тарасов

Члены:

А. Н. Артизов

Г. В. Вилинбахов

Е. Ю. Гагарина

С. В. Девятков

В. И. Жилиев

О. К. Кайкова

В. В. Кириллов

А. К. Левыкин

С. В. Мироненко

Е. И. Пивовар

А. В. Пиманов

А. К. Сорокин

С. Д. Хлебников

Авторским коллектив

Руководитель: Е. А. Муров

Заместитель руководителя: А. Н. Беляков

Члены авторского коллектива:

С. В. Девятков

И. В. Зимин

Федеральная служба охраны Российской Федерации и издательство «Кучково поле» благодарят за помощь:

Федеральное архивное агентство Российской Федерации и лично А. Н. Артизова;

Государственный архив Российской Федерации и лично С. В. Мироненко, Л. А. Роговую, Е. Л. Луначарского, Л. Н. Малашенко;

Российский государственный исторический архив Санкт-Петербурга и лично А. И. Костанова;

Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль» и лично Е. Ю. Гагарину, О. И. Миронову, В. В. Павленко;

Государственный исторический музей и лично А. К. Левыкина, Э. Д. Задираку;

Исторический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и лично С. П. Карпова;

Исторический журнал «Родина» и лично В. В. Зубкевича, Ю. А. Борисенка;

Исторический журнал «Исторический вестник» и лично А. Э. Титкова;

Российское федеральное издание «ВВП» и лично К. Б. Жумаева, Д. И. Фалка;

Газету «Комсомольская правда» и лично В. Н. Сунгоркина, А. П. Гамова;
Газету «Российские вести» и лично Д. Ю. Ермолаева;
РУНИВЕРС и лично М. В. Баранова, В. В. Зайцева.

Выражаем благодарность за профессиональную помощь: О. В. Алтуховой, В. А. Богомоловой, О. Н. Бодровой, Д. Т. Бутову, А. В. Дёмкину, О. А. Зерновой, Ю. В. Калугину, А. А. Морозу, А. А. Ряскову, Ю. В. Сигачёву, Д. Е. Симонову, И. И. Цурковой, М. С. Шило.

Введение

Домашний быт человека есть среда, в которой лежат зародыши и зачатки всех так называемых великих событий.

И. Е. Забелин

Быт и жизнь любого человека многослойны. Как правило, они включают в себя семью, работу и друзей. При этом жизнь каждого человека состоит из нескольких маленьких жизней. Их можно делить либо по возрастным, либо по профессионально-ситуационным периодам. Так, у Л. Н. Толстого есть повесть «Детство, отрочество, юность». Для каждого из возрастов характерны свои заботы, радости и печали. Наряду с возрастными этапами каждый человек проходит и через этапы социальной адаптации и взросления, которые формируют характер и имеют свои сложности. Через это проходят все.

Проходили через все эти этапы и императорские дети, старшие из которых постепенно превращались в самодержавных монархов огромной империи.

Их жизнь, на первый взгляд, казалась многим чередой бесконечных праздников и церемоний. Но те, кто находился непосредственно рядом с ними, видели и понимали, что это далеко не так. Дело в том что обычный человек может параллельно иметь несколько образов: «для работы», «для семьи», «для друзей». И каждый из этих образов способен существовать практически изолированно. Однако для членов семьи Романовых такая изолированность была исключена. Вплоть до Александра III их семейная, частная жизнь была такой же частью сценария власти, как и парадно-церемониальная. Эта неразделенность бытия на работу и личную жизнь являлась специфической чертой профессии российских монархов. Следует отметить, что необходимость публичности российские монархи хорошо осознавали. В свою очередь, те, кто пренебрегал этой профессиональной публичностью, пожинали очень горькие плоды.

Российский императорский двор был самодостаточным и довольно своеобразным миром. Некоторые из членов императорской семьи и их близкого окружения подчас проживали в этом искусственном мире всю свою жизнь, имея весьма смутное представление о реальной жизни за стенами резиденций.

При этом в этих же самых резиденциях наряду с видимой парадной стороной жизни шла своя, скрытая от посторонних глаз *повседневная жизнь*. В многочисленных парадных царских резиденциях трудились, ели и спали тысячи людей, там обустривались и императоры, и их придворные. Цвели большие и малые открытые и закрытые сады, работали театры и библиотеки. В резиденциях устраивались придворные балы и рыцарские спектакли-карусели. Во дворцах любили карнавалы, на которые порой допускался самый разнообразный люд. Дворцы имели особый стиль и ритм жизни, который далеко не исчерпывался придворным торжественным ритуалом¹.

В настоящее время акценты интереса к истории смещаются. От безусловно важных сюжетов, связанных с дипломатическими перипетиями и политической борьбой, общественное внимание все больше поворачивается к повседневной жизни дворцов, ведь именно бытовая сторона жизни императорских резиденций была практически недоступна взгляду рядового обывателя до 1917 г. Во второй половине 1920-х гг. этот интерес отчасти компенсировали музейные экспозиции, созданные на личных половинах императорских резиденций. Однако эта практика быстро прекратилась, поскольку власти были озабочены популярностью экспозиций, показывавших народу, «как жили цари». За прошедшие десятилетия многие интерьеры личных половин оказались полностью утраченными. К этой ситуации приложили руку и власти, и непростое время. И сегодня в тех комнатах Зимнего дворца, где жили фрейлины, висят на стенах картины Матисса, в кабинете Александра II, где он умирал, экспонируются платье

Екатерины II и мундир Петра III, а в спальне Екатерины выставлены картины французских классицистов². Пожалуй, единственная полностью сохранившаяся личная царская половина – это обширная императорская квартира в Большом Кремлевском дворце, известная как Собственная его императорского величества половина в главной императорской резиденции Московского Кремля.

Поэтому главной задачей настоящей книги является достоверная реконструкция такого текучего и сложного понятия, как *повседневная жизнь российского императорского двора*. И основой для этого станут мимолетные упоминания мемуаристов о различных «пустяках», архивные документы, картины, фотографии и многое другое, на чем остались следы этой блестящей и тем не менее повседневной жизни.

Часть 1

Жизнь и быт российских императоров в парадных резиденциях

Глава 1

Российские императоры: внешний облик, характер и личностные особенности

Внешность играет важную роль в жизни любого человека. Для российских монархов внешний облик имел ряд важных составляющих, которые, как правило, отсутствовали в жизни обычных людей. В России, с ее традициями персонифицированной власти, достойный облик монарха служил важным фактором укрепления популярности самодержавия.

Внешний облик монархов имел достаточно много слагаемых: от собственно внешних, физических данных до манеры поведения, прически и предпочтений в одежде. На этих параметрах мы и остановимся.

Император Александр I

Александр Павлович был первым сыном цесаревича Павла Петровича и первым внуком императрицы Екатерины II. Однако для бабушки он был больше чем внуком. Императрица, у которой забирали детей после их рождения, обрушила все свое несостоявшееся материнство на первого внука.

Она забрала его у родителей и воспитывала сама. Мальчик, росший между двумя дворами: императорским двором и двором цесаревича, поначалу чисто интуитивно маневрировал между ними, но затем эти «маневры» стали вполне осознанными. Конечно, это калечило характер молодого человека, да и бабушка с отцом не отличались легкими характерами.

Великие князья Александр, Константин и Николай Павловичи

Став императором, Александр I проводил вполне самостоятельную и внятную политику. Некоторые мемуаристы утверждали, что Александр I «слаб», однако другие подчеркивали, что царь обладал «непреклонной волей и упорством, граничащим с упрямством». В пользу последнего говорит то, что в конце 1812 г. Александр I лично посещал тифозные госпитали. Лично бывал и под огнем во время сражений. После 1815 г. Александр I упрямо пренебрегал всякими мерами безопасности, прекрасно помня о том, что его отец и дед были убиты в результате переворотов. Одна из фрейлин писала: «Вокруг царского жилища (имеется в виду Каменноостровский дворец. – *И. З.*) не было видно никакой стражи, и злоумышленнику стоило подняться на несколько ступенек, украшенных цветами, чтобы проникнуть в небольшие комнаты государя и его супруги»³. Александр I повсюду ездил без сопровождения. Он предпочитал открытые экипажи, хотя зимой это было чревато обморожениями. В декабре 1812 г. он пять дней провел в открытых санях.

Следует подчеркнуть, что это была не прихоть императора, а привычка-традиция, впитанная с юношеских времен. Дело в том что во времена Павла I офицерам вообще запрещалось ездить в закрытых экипажах. Офицеры могли ездить только верхом, в открытых санях или дрожках⁴. Кроме того, учитывался и фактор публичности профессии российских императоров. Цари считали, что подданные должны их видеть. Этого же порядка придерживался и Николай I.

Говоря об особенностях характера Александра I, стоит упомянуть и о такой наследственной черте Романовых, постоянно воспроизводившейся вплоть до Николая II, как о «парадомании».

Император Павел I

Действительно, Александр I, как и его отец Павел I и дед Петр III, был весьма увлечен внешней стороной военной жизни, бесконечными разводами караулов, блестящими парадами и переменами в военной форме. При этом на первом плане для монарха стояла не боевая подготовка армии, очень далекая от искусства тянуть носок и держать строй, а именно внешняя, парадная сторона армейской жизни.

Возможность мановением руки, кратким приказом приводить в движение огромные массы людей была зримым символом и воплощением могущества российских самодержцев.

Свидетельства этой особенности характера разные, подчас неожиданные. Известно, что 15 мая 1821 г. за 1800 франков для Александра I был приобретен специальный «шагомер» у знаменитого швейцарского часовщика Абрахама Луи Бреге.

Имя часовщика Бреге говорит само за себя, поскольку оно дало название знаменитым часам-«брегетам». Этот мастер неоднократно выполнял штучные и, конечно, очень дорогие заказы, поступавшие от европейских монархов. Так, им были изготовлены часы для султана Османской империи, для принца-регента Великобритании. И для российского императора Александра I.

Примечательно, что для российского монарха знаменитый часовщик создал не часы, а измеритель темпа маршировки. Всего было изготовлено пять экземпляров таких приборов. На серебряном циферблате нанесена шкала с цифрами от 60 до 125. Стрелка отсчитывала соответствующее число колебаний в минуту. Такой прибор был очень удобен во время парадов, когда монарх мог лично контролировать темп маршировки воинских подразделений путем подсчета шагов в минуту. А Романовы парадом традиционно придавали огромное значение⁵.

Император Николай I

Основные характеристики «породы» Романовых были «заложены» Павлом I и его женой императрицей Марией Федоровной. Внешне сыновья Павла I были очень разными. Больше всего походил на Павла I его второй сын – великий князь Константин Павлович.

Самым представительным из сыновей Павла I был третий – император Николай I. Внешне он совершенно не походил на своего маленького, курносого, с холерическим темпераментом отца. Один из мемуаристов описывал внешний облик 29-летнего Николая Павловича следующим образом: «Высокого роста, сухощав, грудь имел широкою, руки несколько длинные, лицо продолговатое, чистое, лоб открытый, нос римский, рот умеренный... Свежесть лица и всё в

нем выказывало железное здоровье и служило доказательством, что юность не была изнежена и жизнь сопровождалась трезвостью и умеренностью»⁶.

Это описание достаточно объективно. Царь действительно имел атлетическую фигуру. Надо заметить, что в мужской и женской моде того времени широко использовались корсеты. Так, в комедии Грибоедова «Горе от ума» Скалозуб характеризуется как «хрипун», «удавленник», «фагот». Эти определения свидетельствуют не только о характере, но и о перетянутой талии. А. С. Пушкин использовал безусловно понятную современникам фразу – «гвардейцы затяжные». Кроме этого, мужчины, для того чтобы придать фигуре требуемые формы, использовали и вату.

Стоит сказать, что к своей внешности Николай Павлович относился с долей здоровой иронии. В 1833 г. император писал своему «отцу-командиру» И. Ф. Паскевичу: «Желал бы с тобой быть неразлучным; за невозможностью сего прошу тебя в замену оригинала принять и носить подобие моей хари»⁷. Под «моей харей» Николай I имел в виду одно из высших имперских отличий – миниатюрный портрет императора, усыпанный бриллиантами.

Современники внимательно фиксировали малейшие изменения во внешнем облике монарха. Во время официального визита в Англию в 1844 г. хозяева оценивали Николая I и по внешним «параметрам». Один из сановников королевы Виктории отметил, что русский царь «потолстел и что у него несколько поредели волосы на голове, но все-таки он оставался прежним благородным, величественным человеком, царем с головы до ног. Его лицо отличалось открытым выражением, и хотя глаза у него были очень подвижны, но в них скорее выражалась беспокойная наблюдательность, чем подозрительность»⁸.

На рубеже 1830—1840-х гг. Николай I начал носить парик. Он не делал из этого особого секрета. Встречаясь с американским посланником в 1837 г., он без всяких комплексов признавал, что «волос-то у меня немного, да и те седые. А ведь это у меня парик, – пояснил он, проводя рукой по голове»⁹. Надо заметить, что в ту пору отношение к мужским парикам было совершенно иным. Со времен Петра I и до конца XVIII в. парики были непременным атрибутом повседневной жизни мужской части российской аристократии. И хотя в начале XIX в. парики постепенно вышли из повсеместного употребления, в их ношении никто не усматривал ничего экстраординарного.

Говоря о прическе и париках императора, следует отметить, что первые парики у Николая Павловича появились в январе 1812 г., когда шестнадцатилетний великий князь начал принимать участие во взрослых маскарадах¹⁰.

В качестве парикмахеров Николая I обслуживали и профессионалы, и «любители». Например, в апреле 1833 г. его дважды подстригал мундшенкский помощник Федоров (25 рублей за стрижку), в июне – отставной унтер-офицер Максимов и лакей Востриков, в сентябре – камердинер Сафонов, в октябре, ноябре и декабре – вновь мундшенкский помощник Федоров¹¹. Складывается такое впечатление, что уже в это время император носил парик-накладку, поэтому «любители» только коротко подстригали отросшие под париком волосы.

Наряду с «любителями» у императора был и профессиональный парикмахер. Его услуги оплачивались раз в полгода. В мае 1833 г. парикмахеру Этиену было выплачено за услуги 245 рублей. Именно он изготавливал для царя накладку, для того чтобы скрыть наметившуюся лысину. В апреле 1834 г. парикмахер получил «за стрижку волос и накладку 230 рублей»¹². Как правило, Этиен готовил царю по две накладки на голову в год. Со второй половины 1830-х гг. накладку на голову для Николая Павловича стали делать самые разные мастера: парикмахер Хемот (стоимость одной накладки – 135 рублей), парикмахер Фелео (стоимость накладки – 75 рублей 71 копейка), парикмахер Этиен (за накладной парик – 58 рублей 87 копеек).

Кроме этого, Николай I, внимательно следивший за своей внешностью, использовал не только помаду для волос, которую ему поставлял все тот же парикмахер Этиен, но и специ-

альную мазь для усов. Во время череды январских и февральских балов брутальный Николай Павлович, следуя моде, завивался (парикмахер Хемот получил за завивку в январе и феврале 1845 г. 69 рублей 30 копеек).

Тщательный уход за внешностью обходился Николаю I в приличную сумму. Например, за 1837 г. парикмахер Этиен заработал 966 рублей. Эта сумма включала стоимость стрижек, накладок и помады для Николая I.

Главным парикмахером Николая I с начала 1830-х гг. и до 1843 г. оставался Этиен. Однако позже это место постепенно заняли другие парикмахеры (Шемио, Гелио, Хемот, Гешот, Персон). Следует также отметить, что по мере того как волосы царя редели, гонорары придворных парикмахеров сокращались.

Одежда императора Николая I

Российские императоры традиционно носили только военную форму. Это было непреложное правило. Тем более что они считали себя именно офицерами на троне. Барон М. А. Корф упоминал, что военных офицеров

Николай I всегда считал и называл «своими». На одном из частных балов, где было больше статской, чем военной молодежи, барон услышал, как император спросил у одного генерала: «Что тут так мало наших?»¹³ Только покидая территорию Российской империи, российский император мог позволить себе надеть партикулярное платье.

Шитье новых мундиров для Николая I финансировалось из его гардеробной суммы. Расходы на содержание самых разнообразных мундиров в достойном виде, как и на шитье новых, выливались для царя в очень приличные суммы.

Из этой же гардеробной суммы Николай I оплачивал и первые военные мундиры своих детей и внуков. Великие князья свои первые военные мундиры надевали в раннем детстве. Первый солдатский мундир по форме Измайловского полка, стоимостью в 10 рублей, для великого князя Николая (будущего Николая I) был сшит в 1801 г., когда ему только исполнилось пять лет. Первый генеральский мундир (стоимостью в 35 рублей) у Николая появился в шестнадцать лет¹⁴. Существовала традиция, по которой мальчики из дома Романовых с пяти до семи лет носили солдатские мундиры, с семи до шестнадцати лет – штаб- и обер-офицерские, а после шестнадцати лет надевали генеральские мундиры.

С 1817 г. статья расходов «на обмундирование» стала самой большой в гардеробной сумме великого князя. Если свести имена всех лиц и фирм, работавших на внешний облик императора Николая I, то список получится довольно обширный.

Прежде всего следует перечислить портных императора. Круг портных, постоянно «обшивавших» царя, сложился постепенно. Среди них были портные-универсалы, которые «шили всё». Были полковые портные, лучше которых сшить мундир «их полка» не мог никто. Ведущим портным Николая I был Акулов (иногда в документах – Окулов), имя которого встречается на протяжении двух десятков лет, с начала 1830-х до конца 1840-х гг.

Всего с начала 1833 по 1853 г. в документах упоминаются восемь имен портных: Акулов – «за шитье нового мундира и переделку старых 745 руб.»; Малиновский – «за мундир для принца прусского Альберта 400 руб.»; Иванов – «за казачий мундир 450 руб.»; Ефимов – «за черкесское одеяние 909 руб. 50 коп.»; Фрейде – «за переделку мундиров и сшитый гренадерский мундир 373 руб. 50 коп.»; Маркевич – «за чикчир 120 руб.»; Мазокевич – «за гусарский мундир – 1850 руб.» и Бельштейн.

Из этих имен следует особо упомянуть портного А. Фрейде, который являлся «портным мастером его императорского высочества великого князя Михаила Павловича». Примечательно то, что Фрейде уже в 1830-х гг. использовал на своем фирменном бланке герб Российской империи. В 1856 г. именно имперский герб стал официальной визитной карточкой поставщиков императорского двора.

Для сшитых или переделанных мундиров требовалась различная фурнитура, которую заказывали на Придворной эполетной фабрике Е. Д. Битнер, которая находилась «близ Аничкина моста, в Троицкой улице № 10». Счета этой фабрики были регулярными и весьма солидными, вполне сопоставимыми со стоимостью новых мундиров. Например, эполеты и ташка обошлись Николаю I в 220 рублей 50 копеек; пара золотых пехотных артиллерийских генерал-адъютантских эполет с чеканными золотыми пушками и такими же серебряными толстыми вензелями стоили 135 рублей. Аксельбант золотой форменный с особенной арматурой на наколенниках обошелся в 70 рублей.

Примечательно, что Николай I, назначая шефами российских полков иностранных венценосцев, по традиции дарил им и полную форму подшефных полков. Например, для «его королевского высочества принца Генрига Нидерландского» на эполетной фабрике были заказаны золотые контрадмиральские эполеты с вышитыми орлами (73 рубля), золотые эполеты с вышитыми орлами по форме «№ 12-го экипажу» (75 рублей) и кивер флотский с вызолоченным гербом 12-го экипажа (10 рублей). Мундирные пуговицы десятилетиями покупали у «пуговичника» Буха.

Генеральские мундиры в николаевскую эпоху щедро украшались золотым шитьем. Для царя мундиры расшивали золотошвеи из мастерской Залемана. Расшивались в основном воротники и обшлага генеральских мундиров. Так, золотое шитье только одного воротника для мундира гродненских гусаров обходилось в 75 рублей.

Неотъемлемой частью военных мундиров всегда были ордена. Их Николай I заказывал только у золотых дел мастера Кеммерера, а у фабриканта Локтева приобретались орденские ленты.

Со временем Николай Павлович стал оплачивать «подарочные» мундиры для своих сыновей и близких. Так что свои первые мундиры великие князья получали в подарок от отца. Именно с этого момента начиналось их настоящее приобщение к военной службе. По распоряжению Николая I портной Акулов сшил первый генеральский мундир для цесаревича Александра Николаевича, который обошелся в 516 рублей. В 1845 г. царь оплатил портному Акулову два мундира для своего второго сына – Константина Николаевича.

В октябре 1838 г. для третьего сына царя – семилетнего Николая Николаевича была сшита «экипировка лейб-гвардии уланского полка»¹⁵. А в конце июля 1838 г. Николай I в письме к сыну писал: «Вот и семь лет тому протекло, и вместе с этим, по принятому у нас в семье обычаю, получил ты саблю!!! Великий для тебя и для нас день»¹⁶.

На следующий 1839 г., по исполнению семи лет, четвертый сын царя – Михаил Николаевич получил свой первый офицерский мундир, сшитый портным Фрейде.

Мальчики из царской семьи носили и солдатскую форму. В сентябре 1848 г. пятилетнему Николаю Максимилиановичу, сыну герцога Лейхтенбергского и дочери Николая I, дедушка подарил солдатскую форму «от закройщика Остогова» за 100 рублей. А в 1849 г. шестилетнему мальчику дедушка подарил уже ружье и шашку (65 рублей). Солдатская форма для пятилетнего Николая Александровича (Никсы) стоила в 1848 г. 80 рублей.

Перед официальными визитами за границу император обновлял те мундиры иностранных полков, которые предполагалось посетить во время визита. Эти мундиры, как правило, выписывались из-за границы. В 1824 г. в Пруссии портному Клею «за сделанный для его высочества один мундир и одни рейтузы» было уплачено «прусскою монетою 56 талеров»¹⁷.

Поскольку мужчины из дома Романовых военную форму носили с пяти лет и буквально до гробовой доски (все Романовы, лежащие в усыпальнице

Петропавловского собора, были похоронены в военной форме), именно военная форма была для них самой удобной и естественной одеждой. Дочь Николая I вспоминала, что люби-

мой домашней одеждой ее отца был «военный мундир без эполет, потертый на локтях от работы за письменным столом»¹⁸.

Длительное время сотрудничал с гардеробной Николая I перчаточник Ф. Френцель. Статья расходов на перчатки была довольно большой, поскольку белые перчатки быстро пачкались. Эти перчатки отдавались Френцелю в чистку и «мытьё». Например, «мытьё» четырех пар перчаток стоило всего 1 рубль 50 копеек, а изготовление 16 пар новых перчаток обходилось в 128 рублей, то есть по 8 рублей за пару.

Френцель шил императору не только новые перчатки, но и панталоны. Он же обеспечивал царя подтяжками. Панталоны были разные. В документах упоминаются панталоны «лосиные» (128 рублей 40 копеек), «цветные», «крепкие» (175 рублей) и «простые» (125 рублей). На зимнее время панталоны шились из тонкого шерстяного трико, которое покупали у купца Мельникова (209 рублей 50 копеек). Чистка панталон обходилась в 6 рублей.

Лакеи и камердинеры, числившиеся при собственном гардеробе, также не упускали возможности заработать. Однако это были «разовые акции», видимо, связанные с какими-либо форс-мажорными обстоятельствами. Например, гардеробский помощник Иванов получил «за сшитие для его величества панталон» 36 рублей и за шитье шлафроков 30 рублей. Камердинеру Гримму за то, что он прикрепил кокарды к фуражкам, было выплачено 36 рублей 12 копеек. Гардеробский помощник Шпицбарт брался даже за переделку мундира, заработав 35 рублей. Кастелянша Страус «за переделку 10 пар шелковых чулок его величества» получила 16 рублей.

За верхней зимней одеждой царя следил скорняк Михельсон. Заказы для него были разные. «За переделку шубы» ему заплатили всего 45 рублей, но был и заказ на два бобровых воротника в 750 рублей.

Головными уборами Николая I обеспечивали шляпники Циммерман («за круглую шляпу – 55 руб.») и Можайский («за переделку 17 фуражек – 25 руб. 50 коп.»). В магазине Сургучева для царя покупали готовые фуражки, каски и шляпы. Там же брали всю необходимую фурнитуру (кокарды, султаны и пр.). В этом же офицерском магазине приобреталось и оружие («за шашку черкесскую и прочие починки султанов – 232 руб. 75 коп.»).

Обувь для царя, как правило, шилась на заказ. На протяжении четверти века на Николая I работал сапожный мастер Пемо. Стоимость его работы, по сравнению с расценками портных, была довольно низкой: новые каблуки обходились в 1 рубль; шесть пар штрипок под панталоны – 1 рубль 20 копеек; поправка сапог – 85 копеек; новые лакированные сапоги стоили 13 рублей; шпоры к сапогам – 2 рубля 50 копеек. Поскольку сапоги должны были сидеть «как влитые», их шили в обтяжку, и для того чтобы их было легче надевать, сапожник продавал мыльный порошок по 30 копеек за пакетик. Теплые зимние сапоги стоили значительно дороже, но, судя по счетам, Николай Павлович их заказал только однажды – в январе 1835 г. – сапожнику Хейде, по цене 150 рублей за пару. Для того чтобы сохранять обувь, использовались «лак для сапог» из магазина Бабста и вакса, которую покупали у фабриканта Быкова. Также единственный раз встречается упоминание о приобретении готовой обуви в башмачном магазине Брюно (42 рубля 90 копеек).

Кроме крупных вещей любой гардероб предполагает множество мелких. Дочь Николая I упоминала в записках, что Николай Павлович предпочитал носить шелковые носки. Примечательно, что их покупали прямо «от производителя» и оптом. В ноябре 1848 г. у московского фабриканта Андрея Коколкина было приобретено шесть дюжин шелковых чулок на 360 рублей.

Купец Эренберг поставлял для царского гардероба батистовые платки (две дюжины обходились в 160 рублей). У него также приобреталось голландское полотно, из которого Николаю Павловичу шили рубашки. Полотно покупали оптом. Ткань на «шесть дюжин сорочек для его величества» обошлась в 2450 рублей, там же брали ткань и для полотенец. Рубашки и все необходимое для царя шила белошвейка Гринберг.

Из других мелочей можно упомянуть галстуки (купец Бабст), черные шелковые платки (лавка Энгбута). В магазине «Дилла и К^о» покупали манишки, воротники и шарфы.

Со временем Николай Павлович начал полнеть, и в ноябре 1836 г. (ему было 40 лет) впервые заказали бандаж, которым утягивали живот под мундиром, при этом грудь становилась более выпуклой. Выполнил этот заказ бандажный мастер Остерлов.

Кроме одежды покупались различные повседневные мелочи: резедовое, миндальное и розовое масла «для туалета его величества», полотенца, щетки для волос. В английском магазине было закуплено восемь дюжин кусков розового мыла для рук (54 рублей) и т. д. При этом все положенные таможенные пошлины за импортный товар были немедленно отправлены на Санкт-Петербургскую таможеню.

Поставщики высочайшего двора очень хорошо зарабатывали при подготовке визитов в Европу. Одной из весьма характерных особенностей таких визитов было то, что российские императоры во время неофициальных поездок могли носить партикулярное платье. Путешествуя за границей как частные лица или отдавая родственные визиты, они могли сменить военный мундир на штатское и раствориться в толпе. Надо заметить, что они это весьма ценили. Ежеминутно находиться «под прицелом» сотен глаз психологически очень тяжело. Возможность побыть обычным человеком, затеряться среди людей предоставлялась только за границей и рассматривалась как маленькое приключение.

Не отказывался от этой возможности даже Николай I, буквально сросшийся с военной формой. В 1833 г. он заказал портному Рутчу штатское платье за 875 рублей. В 1838 г. тот же портной Рутч «за партикулярное платье для чужих краев» получил 988 рублей. Будучи в 1845 г. в Дрездене, Николай I инкогнито посетил знаменитую галерею. Во время этой прогулки на нем был «синий, открытый спереди короткий сюртук, шелковый темно-коричневый жилет с вышитыми на нем цветочками и серые брюки; на голове имел он цилиндр, что увеличивало высокий его рост. В правой руке незнакомец держал тоненькую тросточку с серебряным набалдашником, а левая, одетая в перчатку, сжимала снятую с правой руки»¹⁹. К сожалению, изображения грозного императора в «жилете с цветочками» до нас не дошли, да их, видимо, и не существовало, но можно с уверенностью утверждать, что Николай Павлович был одет по последней европейской моде.

Телосложение

Николай I отличался прекрасной выправкой и до конца жизни сохранил атлетическую фигуру. В 1849 г. его осматривал врач Конногвардейского полка Ф. Я. Карелль. Молодой врач был поражен телосложением императора. С естественным чувством собственной значимости молодой доктор рассказывал знакомым «разные подробности из внутренней дворцовой жизни». Одну из этих подробностей приводит барон М. А. Корф в своих записках: «Карелль не мог довольно выразить удивления своего к атлетическому, необычному сложению его тела». Врач в беседах отмечал: «Видев его до тех пор, как и все, только в мундире и сюртуке, я всегда воображал себе, что эта высоко выдававшаяся грудь – дело ваты. Ничего не бывало. Теперь, когда мне пришлось подвергать его перкуссии и аскультации, я убедился, что всё это свое, самородное; нельзя себе представить форм изящнее и конструкции более Аполлоново-Геркулесовской!»²⁰

Мемуаристы сохранили крайне редкие сведения о росте императора. Один из мемуаристов приводит диалог между Николаем Павловичем и актером Василием Каратыгиным, состоявшийся в ноябре 1838 г. после окончания пьесы Н. А. Полевого «Дедушка русского флота»: «К игравшему роль Петра I Василию Каратыгину подошел Николай Павлович с приветливыми словами. «Ты совершенный Петр Великий!» – сказал он, любуясь им. «Нет, государь, он был

выше меня: 2 аршина 14 вершков». – «А в тебе?» – «Двенадцать». Государь померился с ним. «Всё ты выше меня: во мне 10,5»²¹.

Нетрудно посчитать, что в переводе на современную метрическую систему рост императора составлял 189 сантиметров (рост Петра I – 203,5 сантиметров).

Мемуаристы много писали о глазах императора. Его большие голубые глаза бывали очень разными. Так, политические противники превратили в штамп «оловянные глаза» Николая Палкина. Многие писали о глазах «василиска», которые буквально превращали подданных в камень, особенно если император изволил гневаться. При этом наиболее догадливые даже падали в обморок.

Так или иначе, на протяжении четверти века Николай I вполне вписывался в каноны мужской красоты своей эпохи. Высокий, атлетического телосложения, прекрасный кавалерист «с талией», на лице которого блестели бледно-голубые глаза, был наделен еще и обаянием власти, которое во все времена так ценили женщины. Многочисленные официальные портреты подтверждают описания мемуаристов. Можно только сожалеть, что не сохранилось ни одной фотографии Николая Павловича, хотя известно, что во второй половине 1840-х гг. он держал в руках фотоаппарат, переданный им в Академию наук.

Характер

Николай I был скрытен и недоверчив. При этом он обладал глубоким чувством ответственности, заставившим его замкнуть управление империей лично на себя и работать по восемнадцать часов в сутки. Высокая требовательность к себе заставляла требовать «по максимуму» и с подчиненных. В своей работе он опирался на военных, будучи искренне уверенным, что толковый строевой генерал в состоянии наладить четкую работу как медицинского ведомства, так и министерства народного просвещения. Присущая Николаю I спокойная уверенность в своей власти, харизма императора приводили в трепет даже его ближайших соратников.

Иногда он становился безжалостным и беспощадным, но по большей части только в тех случаях, когда понимал, что возникший негативный прецедент повлечет серьезные последствия. Тогда он был действительно безжалостен. При этом император руководствовался не сиюминутными личностными порывами, как это бывало у его отца, холеричного Павла I, но государственной целесообразностью.

Николай I мог вспылить на людях, хотя в него с детства вбивалась привычка скрывать свои чувства и мысли. Однако в «своей», офицерской среде он мог позволить себе «отпустить тормоза». Но даже эти нечастые эмоциональные выплески император мог обратить себе на пользу, не только в силу профессиональной привычки просчитывать последствия своих поступков, но и в силу своего действительно благородного характера. Один из мемуаристов описывал, как на маневрах в Красном Селе Николай I «на чем свет стоит, не стеснясь в выражениях», обругал генерала Пенкержевского. «На следующее утро государь приглашает всех генералов и, выйдя к ним, говорит с присущим ему благородством: «Господа, вчера я совершенно забылся перед генералом П. Когда я команду войсками, то никак не могу сдерживаться и не выходить из себя. Мне уже сорок лет, а я до сих пор не преуспел в обуздании собственной вспыльчивости. Итак, господа, прошу вас впредь не принимать близко к сердцу мои слова, сказанные в гневе или раздражении. Ты же, П., прошу, прости меня; я не желал тебя оскорбить, будем друзьями». И он сердечно обнял генерала»²².

Николай Павлович был любящим мужем и отцом, неплохим педагогом и тонким психологом. Когда в 1849 г. Николай Павлович отправлял в Венгерский поход второго сына Константина Николаевича, то составил для него инструкцию из семнадцати пунктов. Если сокра-

тить ее до отдельных фраз, то она выглядела бы следующим образом: не высовываться, быть предельно корректным, без фамильярности, слушать, записывать, анализировать, но публично никаких оценок не давать, почестей как великому князю не принимать.

Многие десятилетия, стараниями либерально-советской историографии, личность Николая I преподносилась исключительно в образе грубого солдафона с оловянными глазами. Это не так. Конечно, Николай I не был ангелом, на его совести много грехов, как и у всякого политика. Но, по большому счету, это был сильный, порядочный человек, русский офицер, наделенный глубоким чувством ответственности за страну.

Император Александр II

Многочисленные портреты запечатлели внешность Александра Николаевича на протяжении всей его жизни. Кроме этого до нас дошли фотографии как официального, так и семейного характера. Поэтому изменения во внешнем облике на протяжении царствования Александра II прослеживаются в деталях.

В юные годы это был типичный «прекрасный принц» из германских сказок. Наследник громадной империи, обладатель несметных сокровищ, обаятельный и прекрасно воспитанный молодой человек. Цесаревич был высоким, учитывая стандарты роста середины XIX в. Его рост составлял 186 сантиметров. Следует отметить, что Александр II всегда очень внимательно следил за своей внешностью. В различных музейных собраниях сохранились настоящие коллекции его многочисленных мундиров. Став императором в 1855 г., он сразу же начал «переодевание» военной, придворной и бюрократической элиты.

Александр II с детства был хорошо развит физически. Он имел пропорциональную фигуру, хороший рост и правильные черты лица. Он был безупречно воспитан. К ношению военной формы Александра II приучили с детства, она сидела на нем как влитая, и он знал об этом. К военной форме во всех ее проявлениях он относился с любовью. Так, в своей приемной в Зубовском флигеле Екатерининского дворца в Царском Селе он держал часть «военно-мундирной» коллекции Николая I. Ее стены были увешаны картинами с изображениями мундиров, «под стеклянными колпаками стояли куклы, изображающие ординарцев»²³, в форме различных полков русской армии.

Современники единодушно отмечали, что «мундир сидел на нем как-то особенно щеголевато, грудь выделялась, талия стройно перетянута по-николаевски»²⁴. Вплоть до реформы военной формы в период правления Александра III высшим шиком в ношении офицерской формы считалась именно эта «николаевская» статья.

Будучи молодым человеком, в конце 1830-х гг. цесаревич Александр носил небольшие щегольские усики в сочетании с зачесанными, по моде того времени, висками. В 1840 г. на его лице появились бакенбарды, которые тогда еще не были соединены подусниками с усами. На портретах «совершенно модного живописца» Ф. Крюгера эти нюансы внешнего облика царя тщательно зафиксированы. Именно с этой прической – зачесанными на правую сторону волосами, с усиками и бакенбардами Александр II короновался в 1856 г.

Со временем этот образ получил дальнейшее развитие. Именно Александр II ввел в 1860-х гг. новый стандарт, включавший сложную «конструкцию» из ухоженных усов с подусниками и роскошных бакенбард. Всё это органично сочеталось с тщательно уложенными волосами. При этом Александр II никогда не носил бороду.

Естественно, вся элита Российской империи немедленно, с большим или меньшим успехом, воспроизвела на своих лицах эту же «конструкцию». Даже наследник-цесаревич, великий князь Александр Александрович во второй половине 1870-х гг. на некоторое время отпустил длинные бакенбарды.

Надо заметить, что со времен знаменитого резания бород в декабре 1699 г. Петром I форма растительности на лицах мужчин приобрела явный политический подтекст. Более того, уровень «мужской волосатости» регулировался законодательно. Перечень законов, регламентирующих мужские прически, весьма внушителен. Начало этому перечню было положено в январе 1705 г., когда Петром I был подписан указ: «О бритии бород и усов всякого чина людям, кроме попов и дьяконов, о взятии пошлин с тех, которые сего исполнить не захотят, и о выдаче заплачившим пошлину знаков»²⁵. Законодательное преследование бородачей велось с завидным постоянством. Так, в марте 1837 г. Николай I подписал указ «О не ношении лицам, имеющим придворные звания, усов и бород». В указе отмечалось: «Многие из состоящих в звании камергеров и камер-юнкеров позволяют себе носить усы, кои присвоены только военным, и бороды в виде жидовских», поэтому император «повелеть соизволил: строжайше воспретить, дабы никто из имеющих придворные звания не осмеливался носить ни усов, ни бород»²⁶. Кроме этого, когда в конце 1840-х гг. начался знаменитый дискурс западников и славянофилов, то у последних борода стала своеобразным политическим знаменем, что также вызвало гонения властей. Только в 1874 г. Александр II разрешил ношение бороды во всех войсках и на флоте кроме гвардии, гренадеров и императорской свиты²⁷. При этом отдельным указом в 1875 г. военным было запрещено фабрить бороды и усы²⁸. Примечательно, что сам Александр II не терпел бородачей, поэтому в его окружении их не было. Однако некоторые лица из свиты царя имели такие разросшиеся бакенбарды, что бритый подбородок буквально терялся среди них, и они выглядели со стороны настоящими бородачами, соблюдая при этом букву закона.

Со временем на голове у Александра II появились глубокие залысины, но он так и не изменил своей прически, сохранив зачес волос на правую сторону, и, конечно, никогда не носил парик. Можно отметить, что с возрастом размер его усов несколько увеличился. На официальных портретах конца жизни императора видна некоторая «неухоженность» – разросшиеся усы с подусниками и не очень аккуратно уложенные волосы.

Внешний облик российских императоров был тесно связан с их харизмой. Многие современники Александра II отмечали космополитичность и некоторую вялость характера царя. Оценивая характер Александра II, фрейлина А. Ф. Тютчева отмечала, что, по ее мнению, «он не был государем, популярным в истинном смысле слова; народ не чувствовал притяжения к нему, потому что в нем самом совершенно отсутствовала национальная и народная струна... Человеческая природа такова, что она более ценит людей за них самих, чем за их дела»²⁹. Отчасти так и было. По воспитанию, манерам и поведению Александр II был скорее европейским монархом, который совершенно не имел «национальной специфики», столь характерной для его сына – Александра III.

А. Ф. Тютчева, наблюдавшая Александра II на протяжении полутора десятков лет и старавшаяся быть объективной в своем отношении к нему, писала, что в свои 35 лет (1853) цесаревич «был красивый мужчина, но страдал некоторой полнотой, которую впоследствии потерял. Черты лица его были правильны, но вялы и недостаточно четки; глаза большие, голубые, но взгляд мало одухотворенный; словом, лицо его было маловыразительно, и в нем было даже что-то неприятное в тех случаях, когда он при публике считал себя обязанным принимать торжественный и величественный вид»³⁰.

Современники подмечали и мелкие особенности поведения Александра II, которые его отнюдь не красили. Впрочем, подобные черточки можно при желании обнаружить почти у всех. Граф С. Д. Шереметев вспоминал: «Бывало, как государь сильно горячится, волнуется по мере того, что говорит, глаза становятся совсем круглыми, голос, и без того картавый, становится раздражительным и крикливым. Очень неприятно было видеть его в такие минуты, чувствовалось что-то несильное в этом раздражении, которое с годами все увеличивалось. Он не всегда держался меры, и многим приходилось от него выслушивать неподходящие слова»³¹.

Откровенные недоброжелатели, которых всегда много у публичных политиков, называли царя «бодрилой», а писатель Д. В. Григорович прямо глумился над ним (в кругу близких людей, конечно), «уморительно имитируя его басок и картавость»³².

Говоря об особенностях характера Александра II, следует отметить его чувство долга и ответственности, что было характерно для всех Романовых в XIX столетии. Так, присутствуя на театре военных действий, Александр II выполнял преимущественно инспекторско-представительские задачи, посещая, в числе прочего, многочисленные госпитали, при этом царь «заходил в палаты тифозных и горячечных»³³.

Но даже симпатизировавшие императору современники, отдавая ему должное, считали его слабым. Слабым человеком и слабым, подверженным влияниям самодержцем. Резонанс колебаний его внутривластного курса был значителен – от либеральных реформ 1860-х гг. к «закручиванию гаек» в 1870-х. Это также было отражением его характера. При этом Александр II очень ревниво относился к власти. Своих старших сыновей он приобщал к власти, следуя традиции и здравому смыслу, но делал это с некоторой оглядкой. Граф С. Д. Шереметев отмечал: «В основе характера государя таилось мелочное чувство, и то была ревность. Она проявлялась в нем не раз и по отношению к самым близким ему людям. Такое чувство испытывал он по отношению к императрице и даже к цесаревичу Николаю Александровичу»³⁴.

Это чувство известной «ревности» проявлялось и во взаимоотношениях с соратниками. Колебания внутривластного курса, смена министров позволили князю П. А. Кропоткину справедливо отметить, что «ни в вопросах политики, ни в личных симпатиях он не был человеком, на которого можно было положиться, и вдобавок отличался мстительностью. Сомневался, чтобы он искренно был привязан к кому-нибудь»³⁵.

Примечательно, что Александр II в начале своего правления проводил кадровую политику, традиции которой уходили в XVIII век. Тогда считалось, что строевой генерал, успешно справлявшийся с корпусом, способен не менее успешно справиться с любым гражданским министерством. В 1860-х гг. по Петербургу ходила едкая реплика Ф. И. Тютчева, связанная с назначением на пост товарища министра финансов генерала С. А. Грейга, служившего сначала в конногвардейском полку, а затем в морском министерстве: «Странное дело, конногвардейскому офицеру поручают финансы; публика, конечно, удивлена, но в меру, не особенно сильно; попробуйте же Рейтерна сделать командиром конногвардейского полка, все с ума сойдут, поднимется такой вопль, как будто Россия потрясена в своих основаниях»³⁶.

Императрица Мария Александровна

Императрица Мария Александровна прожила в России почти сорок лет. Приехав в Россию юной девушкой, она со временем стала истинно русской. Вторая половина ее жизни в России полна драматизма. Жена, родившая мужу-императору девятерых детей, она трагически потеряла старшего любимого сына-цесаревича накануне его свадьбы и одновременно фактически лишилась мужа.

Картины, акварели и фотографии донесли до нас ее внешний облик. Красивая и утонченная в молодости Мария Александровна отличалась прекрасным вкусом. В 1841 г. цесаревна носила в качестве утреннего туалета легкое батистовое или жаконетовое платье с белым вышитым воротничком, соломенную шляпу с лентами в цвет соломы, коричневую вуаль, коричневый зонтик, шведские перчатки и клетчатое манто³⁷.

На картинах английской художницы Кристины Робертсон, считавшейся признанным мастером женского портрета и приглашенной в Россию Николаем I, мы видим изящную молодую женщину в дворцовых интерьерах. На одной из картин 1849 г., написанной в жанре парадного портрета, цесаревна Мария Александровна изображена стоя, в роскошном парчовом пла-

тье, ее шея и руки украшены крупным жемчугом. У цесаревны под рукой – раскрытый фолиант с закладками. У ног – любимая левретка. Примечательна прическа будущей императрицы. Ее прекрасные густые волосы разделены посередине пробором. Эта прическа фактически без изменений сохранялась до последних дней жизни Марии Александровны.

На втором портрете, кисти той же Кристины Робертсон, цесаревна Мария Александровна сидит за столиком опять-таки перед раскрытой книгой. Элегантный кувшин на столе подчеркивает изящество цесаревны. Безусловно, все детали этих парадных портретов тщательно продумывались и согласовывались.

Фрейлина А. Ф. Тютчева, впервые увидевшая Марию Александровну в 1853 г., отмечала, что 28-летняя цесаревна выглядела очень молодо. Она была стройна и хрупка, и это складывалось в совершенно особое изящество, «какое можно найти на старых немецких картинах». Мемуаристка подчеркивала, что цесаревна и в 28 лет не была классической красавицей николаевской эпохи, поскольку «черты ее не были правильны». Но при этом у цесаревны были прекрасные волосы, нежный цвет лица, большие голубые, немного навывкате, глаза, «смотревшие кротко и проникновенно. Профиль ее не был красив, так как нос не отличался правильностью, а подбородок несколько отступал назад. Рот был тонкий, со сжатыми губами... а едва заметная ироническая улыбка представляла странный контраст к выражению ее глаз»³⁸.

До нас дошла миниатюра, выполненная А. Г. Рокштулем³⁹, датированная 1855 г. На миниатюре Мария Александровна изображена в роскошном бальном платье, с синей муаровой лентой через плечо и миниатюрной короной на голове. Из украшений – только столь любимые ею жемчуга: в прическе, на шее и в ушах.

Одним из известных парадных портретов императрицы Марии Александровны стала картина художника Ф. К. Винтерхальтера, законченная в 1857 г. На этом официальном полотне, написанном вскоре после коронации Александра II, мы видим исполненную достоинства женщину во всем блеске зрелой красоты. Волосы, руки и шея усыпаны крупными жемчугами. Пышное парадное платье обильно украшено кружевами. В изящно сложенных руках – костяной, тонкой работы веер. Молодая императрица словно только что вышла из бальной залы. На ее левой руке, наряду с массивными золотыми браслетами, на безымянном пальце были надеты два золотых кольца. Именно о них писала камер-юнгфера императрицы А. И. Яковлева: «На левой руке она носила очень толстое обручальное кольцо и другое, такое же толстое, с узорною чеканкою, поперечник такой же толщины был прикреплен большим рубином. Это – фамильное кольцо, подаренное государем всем членам царской семьи»⁴⁰. К сожалению, на картине правая рука императрицы просматривается не полностью, но камер-юнгфера упоминает, что «на правой руке, на четвертом пальце, великая княгиня носила множество колец; это были воспоминания ее детства, юности, тут были кольца ее матери; все не дорогие и не имевшие даже особенного наружного достоинства»⁴¹.

На фотографиях 1865–1866 гг., сделанных после пережитой личной трагедии, связанной со смертью старшего сына – великого князя Николая Александровича, умершего в апреле 1865 г., мы уже видим постаревшую женщину, сломленную горем. Всю оставшуюся жизнь она носила платья в темных тонах, в память о потерянном сыне. Примечательно, что, находясь при умирающем сыне, «она была очень тверда» и плакала меньше всех⁴². Вся эта твердость характера понадобилась ей в 1870-х гг., когда она боролась с болезнью, и когда ее муж Александр II поселил свою многолетнюю любовницу с детьми над покоями Марии Александровны в Зимнем дворце.

Мария Александровна была императрицей и прекрасно осознавала, что ревность, выставленная на показ, – дурной тон. Поэтому она ни разу ни словом, ни действием не показала, насколько глубоко уязвлена многочисленными увлечениями супруга, которые она в узком

кругу не без иронии называла «умилениями моего мужа»⁴³. Чего ей стоила эта ирония, знала только она сама.

Император Александр III

Будущий Александр III, второй сын в семье Александра II и Марии Александровны, до 1865 г. даже не рассматривался как возможный кандидат на российский престол. Родители были настолько уверены в своем Никсе, что не допускали и мысли о каком-либо несчастье. При этом и сам великий князь Александр Александрович совершенно спокойно относился к своему «второму» месту и готовился к карьере гвардейского генерала. Между братьями сохранялись очень теплые отношения.

Великий князь Александр Александрович с детства отличался некоторой тяжеловесностью, заслужив прозвище «бульдожки». Он не был столь изящен и умен, как его старший брат, и его «второсортность» совершенно устраивала родителей, не желавших видеть в нем конкурента старшему сыну.

Александр Александрович находился при умирающем цесаревиче Николае Александровиче до самого конца. Он присутствовал и при обмывании тела и сам надевал чистое белье на покойника⁴⁴.

Будущий Александр III после смерти в апреле 1865 г. старшего брата Николая унаследовал от него не только титул цесаревича, но и невесту – датскую принцессу Дагмар. Этот брак заключался без большой любви. Александр по приказу отца-императора был вынужден отказаться от своей первой любви – фрейлины Мещерской. В мае 1866 г. он отправился в Данию свататься. Именно тогда будущий Александр III впервые надел штатское платье.

Рано начавший полнеть, высокий и крепкий Александр Александрович, видимо, чувствовал себя в гражданском костюме неловко. Однако этикет требовал от русского цесаревича, сватавшегося к датской принцессе, быть одетым именно в партикулярное платье. Сохранились фотографии этого периода. На них молодой цесаревич в темном двубортном сюртуке, белой рубашке с отложным воротником. На этой постановочной фотографии, а в то время только такие и были, цесаревич опирается на спинку венского стула, придерживая руками темные, в цвет сюртука, котелок и перчатки. Слегка просматривается пестрый галстук.

Тот же галстук хорошо виден на другой фотографии, менее официальной, из той же свадебной серии. Эта фотография уже не так статична. Одетый в гражданское цесаревич смог позволить себе более свободную позу (он непринужденно сидит на стуле, подогнув ногу), что в военном мундире было совершенно непозволительно. Расстегнутый сюртук позволяет увидеть обязательный жилет и часовую цепочку брегета. Котелок уже светлый, но, судя по всему, сюртук, рубашка и галстук те же самые. Конечно, у цесаревича был богатый гардероб просто по статусу. Однако современники в один голос отмечали, что Александр III тяжело привыкал к новым вещам. И если он что-либо «обнашивал» из своего гардероба, то носил эту вещь до тех пор, пока она буквально не разваливалась. Это особенно хорошо заметно по штатским вещам цесаревича. У него не было большого навыка в ношении сюртуков и пиджаков, но в некоторых из них он, видимо, чувствовал себя хорошо. Это «хорошо» затягивалось настолько, что костюмы катастрофически теряли вид, несмотря на все усилия камердинеров. Кроме этого император Александр III полнел, и некоторые из привычных, но редко носимых сюртуков и пиджаков становились ему явно маловаты, но император упорно отказывался надевать новый костюм. Не из скупости, а просто потому что привык к старому.

На фотографиях хорошо видно, что карманы оттянуты, пиджак, когда застегнут на все пуговицы, тесноват, его «украшают» многочисленные складки. Любопытно то, что одна из фотографий многовариантна. Видимо, фотографии российского монарха в гражданской одежде были такой редкостью, что фотографы активно использовали ретушь при их подготовке

к тиражированию. На исходной фотографии Александра III, одетого в гражданский костюм, держит под руку его жена, императрица Мария Федоровна. На последующих фотографиях, трудами ретушеров, Марию Федоровну «убрали» и император стоит один.

Как правило, привычные костюмы Александр III позволял себе носить во время визитов в Данию, на родину жены. Эти поездки носили почти семейный характер, сродни сегодняшней поездке на дачу к старым друзьям, если позволительно такое сравнение. В Дании российский император чувствовал себя свободно и позволял себе появляться на людях в комфортной одежде.

Тем не менее у императора, естественно, бывали ситуации, когда требовалось выглядеть «с иголочки». Так, во время визита в Англию в 1873 г. внешний вид русского цесаревича был безупречен. Об этом свидетельствуют несколько фотографий, сделанных английскими фотографами во время визита.

Следуя европейским тенденциям моды, русский цесаревич в Англии смог позволить себе надеть светлую модную «тройку» в довольно крупную клетку. Примечательно, что на этой фотографии, сделанной в середине 1870-х гг., мы видим двух любящих сестер (цесаревна Мария Федоровна, в девичестве датская принцесса Дагмар, и принцесса Уэльская Александра, старшая сестра российской цесаревны) в одинаковых платьях. Как правило, эти парные платья заказывались у известного парижского портного Чарльза Ворта. Таким образом сестры демонстрировали всем свою сохранявшуюся с детства близость.

Ближайшее окружение Марии Александровны, зная трепетное отношение матери к старшему сыну, подчеркнуто критически относилось к цесаревичу Александру. Граф С. Д. Шереметев упоминал, что, бывая у наперсницы императрицы А. Н. Мальцовой, он часто слышал «слабое мнение» о новом цесаревиче⁴⁵.

Перемены в характере будущего Александра III зрели незаметно даже для тех, кто постоянно находился рядом с ним. Точкой, во многом завершившей формирование его характера, стала трагическая смерть Александра II. Многие из тех, кто видел Александра III в мартовские дни 1881 г., отметили для себя эти совершенно непонятные и неожиданные для них изменения. Фрейлина А. Ф. Тютчева записала эти впечатления в дневнике 25 марта 1881 г.: «В его взгляде, в его голосе и движениях было что-то неопределенное, неуверенное, и я замечала это еще очень немного лет тому назад. Теперь, глядя на него, я с изумлением спрашивала себя, каким же образом произошла эта полнейшая перемена, которая меня в нем поразила; откуда у него появился этот спокойный и величавый вид, это полное владение собой в движениях, в голосе и во взглядах, эта твердость и ясность в словах, кратких и отчетливых, – одним словом, это свободное и естественное величие, соединенное с выражением честности и простоты, бывших всегда его отличительными чертами»⁴⁶.

Впоследствии эти черты Александра III развились и усилились. И мемуаристы отмечали некий контраст между свитой царя и им самим. Контраст, порожденный спокойным осознанием своей исключительности. Об этом в воспоминаниях очень хорошо написал художник, критик и искусствовед А. Н. Бенуа, случайно увидевший царя среди его свиты в театре: «Состав этой густой и толкавшейся в разные стороны массы не отличался ни красотой, ни элегантностью, ни величественностью, ни какой-либо «породистостью». Большинство присутствующих состояло из согбенных под бременем лет сановников и из большей частью маленьких, толстеньких, а частью из тощих и комично высоких старых дам... Двери ложи распахнулись, выбежали церемониймейстеры с длинными тросточками, и за ними появился государь, ведя под руку новобрачную. Меня поразили его «громоздкость», его тяжеловесность и – как-никак – величие. Лицо государя поражало своей значительностью. Особенно порастил меня взгляд его светлых (серых? голубых?) глаз. Этот холодный стальной взгляд, в котором было что-то грозное и тревожное, производил впечатление удара. Взгляд человека, стоящего *выше всех*, но

который несет чудовищное бремя и который ежесекундно должен опасаться за свою жизнь и жизнь самых близких!»⁴⁷

Следует подчеркнуть, что «особость» царя не была искусственной позой, порожденной исключительностью положения, нет, это была столь редко встречающаяся и столь ценимая людьми особая харизма власти, воспринимаемая на подсознательном уровне. А. Н. Бенуа писал: «Поражала его чрезвычайная простота, абсолютная непринужденность, абсолютное отсутствие какой-либо позы (позы властелина), что нельзя было сказать ни про его брата Владимира, ни (в особенности) про недоступного, высокомерного великого князя Сергея Александровича»⁴⁸.

При спокойном осознании силы своей власти Александр III считал себя вправе периодически «проявлять характер». Современники отмечали, что он умел *держать* и *сдерживать*. Несмотря на всю ровность характера, царь мог себе позволить отчасти театрально гневаться, ударяя «кулаком об стол, и удар был серьезный»⁴⁹.

Его резолюции пестрят резкими и нелюбезными высказываниями и характеристиками. Он мог прямо в глаза назвать нерадивого подданного резким словом. Как вспоминали близкие к царю люди: «Крепкое словцо⁵⁰ было присуще его натуре, и это опять русская черта, но в словах не было озлобления. Это была потребность отвести душу и ругнуть иной раз сплеча, не изменяя своему добродушию. Иногда за столом и при свидетелях говорил он, не стесняясь, прямо набело, и, когда уж очень становилось неловко от его слов, «она» (императрица Мария Федоровна – И. З) полушутя бывало обращалась ко мне и говорила: «Быстро расскажите мне что-нибудь», или «Ничего не слышно, не правда ли, мы ничего не слышали?», а в сущности, нисколько этим не стеснялась и всегда сочувствовала ему. И это было особенно привлекательно»⁵¹. Но при этом Александр III «никогда и никому не говорил «ты». Николаевское поколение видело в этом что-то патриархальное и отеческое, но на самом деле оно не всегда оправдывалось и только сбивало понятия... Ни тени фамильярности никогда не допускал себе цесаревич»⁵².

Будучи великим князем, цесаревичем, а затем и императором, Александр III всячески подчеркивал свою «русскость». И в этом не было совершенно никакой наигранности, позы или ксенофобии. Это была органически присущая ему черта, которая выражалась и в использовании русского языка в светском обществе, и в его одежде, и в художественных симпатиях, да и в самом внешнем облике. Поэтому его способность «ругнуть иной раз сплеча» и говорить «прямо набело» была также частью его искренней русской души. При всем том Александр III прекрасно знал свою родословную и совершенно не заблуждался по поводу своей «русскости» «по праву крови». Его мать, бабушка и прабабушка были немками, и множество исследователей высчитывало доли русской (мизер) и немецкой крови в его жилах.

Тем не менее, когда он прочитал «Записки» Екатерины II, из которых следовала возможность того, что отцом Павла I был один из русских вельмож, а не Петр III, он искренне обрадовался, поскольку это увеличивало долю его русской крови. Но при этом он решительно не симпатизировал славянофилам, считая их «ряжеными» и по духу, и по внешнему виду. Так, близких к славянофилам фрейлин А. Ф. Тютчеву и А. Д. Блудову он не выносил одинаково, поскольку «он был слишком русский человек, чтобы быть славянофилом»⁵³.

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на лице наследника-цесаревича Александра Александровича появилась борода. Это совершенно выбивалось из традиций царствования Александра II, но, видимо, отвечало каким-то внутренним импульсам цесаревича. Следует подчеркнуть, что появление бороды у цесаревича не было фрондой по отношению к отцу, хотя отношения между ними были очень сложными. Дело в том что на время ведения боевых действий Александр II официально разрешил офицерам носить бороды. Как известно, запретный плод сладок, и в армии началось поголовное отращивание бород. Даже 20-летний великий

князь Сергей Александрович начал отращивать бороду, записав в дневнике 9 июня 1877 г.: «Государь разрешил во [время] компании носить бороды, и мы отпускаем себе, я также»⁵⁴. Однако когда император возвратился в Петербург (10 декабря 1877 г.), он уже через неделю потребовал от своего ближайшего окружения привести себя в порядок. 19 декабря Сергей Александрович писал цесаревичу: «Мою чудную бороду пришлось обрить, это было очень печально и неприятно, но Папа не хочет, по-видимому, чтобы носили бороды»⁵⁵.

Тем не менее, судя по фотографиям, цесаревич и его младшие братья Владимир и Алексей бороды так и не сбрили. Борода цесаревичу шла. Крупный телом и лицом, без изыщества вельмож предыдущих царствований, он очень органично смотрелся с этой бородой. В результате Александр III стал первым «бородатым» российским императором, возобновив традицию внешнего облика православных московских царей допетровской Руси. После воцарения Александра III мода на бороды немедленно охватила всю мужскую половину высшего света.

Современники, сравнивая Александра III с его предшественниками, отмечали его сходство в отношении к России с Николаем I. Именно Николай Павлович первым из российских императоров громко и внятно заявил о своей любви к России и сделал первые шаги к «русификации» высшего света. И эта эстафета была воспринята Александром III. Граф С. Д. Шереметев, сравнивая Николая I и Александра III, писал: «Он (Николай I – *И. З.*) сам желал быть Русским и по-своему, насколько мог, хотел им быть, хотя и в одежде средневекового рыцаря, да и не по одной одежде. Но он своим умом познал, что править Россией можно только будучи Русским или показывая, что хочешь им быть. Эта нота недостаточно звучала в Александре II, у которого его чувство было явно немецким, навеянным сентиментализмом времен своей юности. Русское воплощение царя в XIX веке совершилось в Александре III! Вот почему и царствовать после нельзя без этого воплощения...»⁵⁶

Надо заметить, что Александр III инстинктивно отличал позу от истинного чувства. Или, по крайней мере, был очень определен в своих симпатиях и антипатиях. Так, граф С. Д. Шереметев упоминал, что, увидев у него на столе книгу стихотворений Тютчева, Александр III заявил, что «вообще не любит Тютчева и как поэта, и как человека»⁵⁷.

Примечательно, что, когда Александр II посещал Аничков дворец, в котором жил с семьей наследник, все ощущали некую чужеродность отца и сына. Граф С. Д. Шереметев упоминал, что присутствие Александра II «несколько стесняло всех, даже хозяев. Уж очень были различны характеры и вкусы. Государь подсаживался к цесаревне, слегка картавя, заводил с нею речь и лишь изредка обращался к цесаревичу. Меня поражало это различие между сыном и отцом: другие приемы, другие речи, другое воспитание»⁵⁸.

В одежде император Александр Александрович был столь же прост. У него, безусловно, имелись все необходимые мундиры и сюртуки «по должности». Но, в отличие от своего отца, он не имел мундирных коллекций, которыми так наслаждался Александр II. Мемуаристы в один голос утверждают, что Александр III, как правило, носил привычные вещи, занашивая их до непотребного состояния. С. Ю. Витте упоминал о штопаных штанах императора и клиньях, вшитых в его брюки. Дома с юных лет он привык носить тужурку⁵⁹. Не носил Александр III и ювелирные украшения. Из колец у него было только венчалное, и то «к концу растрескалось так, что опасно было его носить»⁶⁰. Эта скромность российских императоров по части ювелирных изделий носила также традиционный характер. Мемуаристы упоминают, что Александр I не носил «никаких драгоценностей, ни одного кольца, даже не носил часов»⁶¹.

Говоря об Александре III, следует упомянуть и о такой детали, как о его манере обращаться к соратникам и подданным. Мемуаристы в один голос утверждают, что Александр III был первым царем, который обращался к своим подданным на «вы». Это не совсем так. Первым монархом, который ввел обращение «вы» к своим подданным, был Александр I. Однако

императорский двор в начале XIX в. был франкоязычным, поэтому русское «вы» императора не прижилось. Николай I, который начал «русификацию» императорского двора, обращался к своим подданным только на «ты», и эту привычку переняли его братья и сыновья. При этом в своей переписке Николай Павлович, как правило, использовал обращение «вы». При дворе Александра II обращение на «ты» сохранялось. Вместе с тем, Александр II иногда использовал обращение «вы» для того, чтобы показать свое нерасположение к собеседнику, поэтому царского «вы» очень опасались. Однако времена изменились, и сыновья Александра II усвоили привычку обращаться к близким и подданным только на «вы». Поэтому и Александр III использовал это обращение.

Император Николай II

Традиционный и хорошо знакомый внешний облик российского императора Николая II сложился достаточно рано. В начале 1890-х гг. на лице молодого Николая Александровича появились небольшие щегольские усики. На фотографиях 1891 г., запечатлевших царя во время путешествия на Восток, мы видим бритый подбородок, короткую стрижку ежиком и небольшие усы. Судя по сохранившимся фотографиям, борода на лице Николая II появилась в 1892–1893 гг. На серии фотографий, связанных с помолвкой в апреле 1894 г., мы видим уже новый образ, который Николай II не менял до конца своей жизни: короткая стрижка с пробором на правую сторону, достаточно объемные ухоженные усы и небольшая округлая борода. Со временем усы несколько укоротились и «слились» с бородой. На голове появились небольшие залысины, волосы слегка поредели.

Внешний облик царя «разных возрастов» описан многими мемуаристами. Все они отмечали спортивность царя и его хорошую физическую форму при крепком здоровье. Например, генерал Ставки Ю. Н. Данилов описывал «позднего» 46-летнего царя следующим образом: «Государь был невысокого роста, плотного сложения, с несколько непропорционально развитой верхней половиной туловища. Довольно полная шея придавала ему не вполне поворотливый вид, и вся его фигура при движении подавалась как-то особенно, правым плечом вперед.

Император Николай II носил небольшую светлую овальную бороду, отливавшую рыжеватым цветом, и имел спокойные серо-зеленые глаза, отличавшиеся какой-то особой непроницаемостью, которая внутренне всегда отделяла его от собеседника»⁶².

За своим внешним обликом Николай II следил весьма тщательно. Об этом свидетельствуют счета парикмахеров, которые два-три раза в месяц посещали царя. Конечно, у Николая II был достаточно обширный гардероб. Самой его значительной частью были различные военные мундиры. Являясь шефом множества полков русской армии, император надевал эти мундиры совершенно не случайно, а с учетом множества причин: полковых праздников части, которая несла караул во дворце, различных полковых юбилейных дат и т. п. В этой коллекции были и мундиры различных полков европейских армий, которые надевались во время каких-либо официальных визитов. Гардероб включал и гражданское платье, которое Николай II, как правило, мог позволить себе надеть только за границей.

Первая серия фотографий Николая II в штатском платье относится к его поездке «на Восток» в 1890–1891 гг., когда он еще был цесаревичем. На этих фотографиях 22-летний цесаревич одет в легкую «тропическую форму», и только во время официальных визитов он надевал офицерский мундир. Во время экскурсий цесаревич, как правило, был облачен в модный легкий европейский костюм. На фотографии, сделанной в 1891 г. в

Японии, мы видим на цесаревиче фетровый котелок. Именно этот котелок был разрублен двумя ударами самурая-полицейского во время покушения на цесаревича в мае 1891 г. В Государственном Эрмитаже хранится и белая рубашка с монограммами цесаревича Николая, на которой остались следы крови после покушения.

Примерно в эти же годы молодой цесаревич обзавелся охотничьим костюмом «из английской рогожки». Все последующие годы фасон этого охотничьего костюма не изменялся. Сам костюм сохранился, и именно с этой пропотевшей одежды экспертам удалось взять генетический материал при проведении экспертизы по идентификации останков Николая II в 1990-х гг.

В 1893 г. цесаревич Николай Александрович посетил Англию. Среди прочего обнаружилось, что двоюродные братья, наследники русской и английской корон, необычайно похожи. Настолько, что это стало поводом для нескольких фотографий.

Следующая серия фотографий в штатском платье была сделана во время сватовства цесаревича Николая Александровича в апреле 1894 г. По традиции русский цесаревич приехал в Дармштадт в костюме. На этих постановочных фотографиях цесаревич довольно скован и несколько озабочен. Это понятно, поскольку обстоятельства сватовства к Алисе Гессенской были довольно сложными.

С 1895 г. в список поставщиков высочайшего двора вошел гражданин Швейцарии Генри Фолленвейдер, который владел фирмой «Генри». В своем магазине, находившемся в Петербурге на Большой Морской, 18, он продавал морскую и гражданскую одежду. Включение его в список, видимо, состоялось «высочайшим решением», поскольку поставки этой фирмы морской и гражданской одежды ко двору начались с 1895 г.

Эта фирма поставляла Николаю II именно гражданскую одежду. Например, с апреля по август 1903 г. Генри Фолленвейдер продал Николаю II 16 предметов на сумму 1043 рубля. Список этих предметов весьма показателен: сюртук, жилет и брюки (на 150 рублей); смокинг (150 рублей); три костюма (по 115 рублей каждый); белый теннисный костюм (110 рублей);

осеннее пальто (140 рублей); сюртук «Фантазия» (30 рублей); три белых жилета для фрака (по 20 рублей каждый); велосипедные штаны (28 рублей); жилет к костюму (25 рублей); шелковый теннисный пояс (5 рублей).

В этом же магазине фраки Николая II чистили и ремонтировали, а также стирали царские жилеты. Магазин оказывал и сопутствующие услуги. Например, купленная готовая одежда подгонялась по фигуре заказчика. Например, в 1903 г. Николаю II «расставили» шесть пальто и 11 брюк, что свидетельствовало о том, что император начал набирать вес.

Следует еще раз подчеркнуть, что Николай II появлялся в штатском платье считанные разы, и даже ближайшее окружение императора, постоянно находившееся рядом с ним, увидев царя в партикулярном платье, воспринимало это как несообразность. При этом, как мы видели из бухгалтерских счетов, все необходимые штатские вещи в гардеробе царя присутствовали, и за ними внимательно следили. В 1897 г. во время поездки на родину жены в Дармштадт Николай II и Александра Федоровна совершили путешествие инкогнито во Франкфурт-на-Майне. Одеты они были в обычные костюмы состоятельных буржуа. Окружение молодого императора немедленно отметило, что Николай II совершенно не имел привычки носить штатское платье, да и цилиндр на нем был плохого качества⁶³.

Довольно много фотографий Николая II, одетого в гражданское, осталось после посещения Германии осенью 1910 г. Главной целью поездки было лечение императрицы Александры Федоровны на ее родине в Дармштадте. За границей семья Николая II пробыла около трех месяцев. Визит носил родственный, приватный характер, и Николай II по большей части одевался в гражданское платье, причем весьма разнообразное. Поначалу это вызывало удивление. Например, подруга императрицы А. А. Вырубова, которая впервые увидела в 1910 г. Николая II одетым «по гражданке», отметила этот факт в воспоминаниях: «Государь пришел в штатском платье. С непривычки было как-то странно его так видеть, хотя в то же время очень забавляло»⁶⁴.

После 1910 г. Николай II совершил еще несколько поездок за границу, во время которых у него была возможность надеть штатское платье. Один из последних зарубежных визитов состоялся в мае 1913 г. В августе 1914 г.

Россия вступила в Первую мировую войну, и с этого времени Николай II ни разу не надевал штатское платье. В солдатской гимнастерке он встретил смерть в июле 1918 г.

Портные Николая II

Как мы уже писали, российские императоры на родине носили только военную форму. Как правило, ее шили портные, специализировавшиеся на производстве военного обмундирования. Для сшитой военной формы требовалось множество элементов: от головных уборов, погон, аксельбантов и до сапог. Вся эта арматура приобреталась в так называемых магазинах офицерских вещей. Хозяева этих магазинов со временем оказывались в числе поставщиков высочайшего двора.

Самым давним поставщиком являлся хозяин магазина офицерских вещей фабрикант Скосырев. Семейное дело существовало с 1812 г. Магазин был расположен в Петербурге на Владимирском проспекте, 4. По списку императорских поставщиков можно восстановить три поколения семьи Скосырева, которые последовательно получали высокое звание поставщика высочайшего двора: фабрикант Скосырев получил звание поставщика высочайшего двора еще в 1857 г., затем звание подтвердил его сын Василий Скосырев, поставщик с 1863 г. Завершил купеческую династию Александр Скосырев, поставщик с 1895 г.

В военном магазине М. И. Скосырева, продававшего форменную одежду для офицеров, в 1903 г. для императора Николая II были приобретены товары на сумму в 1234 рубля 90 копеек. В основном это были мелочи: два шарфа, семь фуражек различных полков, форменные ремни, кокарды для фуражек, пряжки для сабли, эполеты и т. д.

Поскольку российские императоры являлись шефами различных иностранных полков, то в числе поставщиков оказались германские (И. Эйсер, Берлин, с 1862 г.; Теодор фон Линкер, Дармштадт, с 1896 г.; Феликс Коллани и Оскар Курдс, владельцы фирмы «L. H. Berger Collani», Берлин, с 1903 г.) и датские (А. Н. Herlin с 1910 г.) портные.

Одним из выдающихся петербургских военных портных конца XIX – начала XX в. был Николай Иванович Норденштрем, который являлся поставщиком императорского двора с 1895 г. Фирма «Норденштрем Н.» была одной из старейших столичных фирм, специализировавшихся на изготовлении военных мундиров. Ее основал Николай Иванович Норденштрем, перебравшийся в Петербург из Швеции в 1821 г. В 1841 г. мастерская перешла к его приехавшему из Швеции племяннику Андрею Ивановичу, в 1852 г. – к Николаю Ивановичу и в 1856 г. – к Карлу Ивановичу Норденштремам. Фирма имела ателье и магазин на Невском проспекте, 46. В начале 1900-х гг. главой фирмы стал К. Н. Норденштрем. Портные и закройщики фирмы выполняли весьма ответственные заказы – шили мундиры для Александра III, его младших братьев, великих князей Алексея, Сергея и Павла Александровичей.

Счета Н. И. Норденштрема за военную форму, поставленную для великого князя Сергея Александровича с 1884 по 1895 г., составили 14 500 рублей. Первые его поставки великому князю Сергею Александровичу относятся еще к 1877 г. С декабря 1902 г. по декабрь 1903 г. магазин Норденштрема поставил 15 предметов и два комплекта военного обмундирования на сумму в 1572 рубля. В этот список вошли: конногвардейский колет (225 рублей); зимний доломан (250 рублей); парадная кираса (55 рублей); тужурка (100 рублей); китель Московского полка (100 рублей); китель Преображенского полка (100 рублей); морской китель (110 рублей); жилет (15 рублей); три пары брюк (по 38 рублей); двубортный китель Преображенского полка (90 рублей); брюки для морской формы (38 рублей); брюки для пехотной формы (40 рублей); парадный пехотный мундир (145 рублей); парадный мундир Сводного полка (135 рублей). Этот же портной принимал царские мундиры в чистку и ремонт. Некоторые из мундиров, жилетов и брюк расставлялись портным, поскольку в 1903 г. царь начал прибавлять в весе.

В ателье известного портного шили мундиры для великих князей Константина и Дмитрия Константиновичей; великих князей Николая и Петра Николаевичей; великих князей Георгия и Александра Михайловичей; великих князей Кирилла, Бориса и Андрея Владимировичей, а также для Александра и Константина Петровичей Ольденбургских, принца Петра Александровича Ольденбургского, герцога Евгения Максимилиановича Лейхтенбергского⁶⁵. Ну и конечно любой офицер императорской гвардии считал для себя обязательным сшить мундир именно у «старика Норденштрема». Через мастерскую Н. И. Норденштрема, поставщика императорского двора, проходили практически все состоятельные гвардейские офицеры, «строившие» себе форму. «Синий кирасир» В. С. Трубецкой писал в воспоминаниях: «Ежедневно я после учений ездил в Петербург, где первым долгом посещал почтенного Норденштрема – знаменитого петербургского военного портного... там я без конца примеривал офицерский колет, сюртуки, вицмундиры, кителя, пальто, николаевскую шинель, короткие и длинные рейтузы и чахчиры с лампасами для парада, для гостиных и для повседневной жизни»⁶⁶.

В последнем по времени составлении списке поставщиков двора, датированном 1914 г., под номером 252 фигурирует портной из Санкт-Петербурга Н. И. Норденштрем, так что можно утверждать, что его таланты служили императорскому двору до последних дней существования российской монархии⁶⁷.

Для коронации 1896 г. на Николая II был сшит особый мундир, который в настоящее время хранится в Оружейной палате Московского Кремля в коллекции коронационных одежд русских монархов. Поскольку церемония коронации предусматривала очень значимое таинство миропомазания, то на мундире и сапогах были сделаны специальные отверстия для совершения таинства. На мундире был сделан клапан на груди, откинув который можно было помазать миром голую грудь императора. Как вспоминал камердинер, который одевал Николая II перед коронацией: «Мундир и подошвы сапог государя имели заранее сделанные отверстия, через которые было совершено таинство миропомазания. Переодевшись, государь велел убрать мундир и сапоги, которые должны были храниться как святыня и в качестве исторической реликвии»⁶⁸.

Российские императоры, как и обычные люди, привыкали к определенной одежде и с трудом с ней расставались. То же было и с Николаем II. Он годами носил одни и те же вещи, предпочитая латаные и штопанные, но привычные детали туалета. Это, конечно, усложняло жизнь его камердинерам. Как и все Романовы, он страстно любил военную форму. В его платяных шкафах хранились сотни военных мундиров. В ясеневых шкафах в гардеробной Николая II в Александровском дворце Царского Села к 1917 г. хранилось до 1500 мундиров императора. Фактически он должен был иметь полный комплект формы всех полков русской армии. Во время парадных выходов он надевал мундир того полка, который в это время нес караул в императорской резиденции. Тем не менее Николай II предпочитал форму преображенцев и лейб-гусар⁶⁹. С удовольствием Николай II носил малиновую косоворотку гвардейских стрелков.

Существовали и другие, несравнимо меньшие расходы, но они показывают, сколь обширен был круг людей, вовлеченных в личное обслуживание императора. Так, в 1902 г. казак Собственного конвоя Платон Монастырский «исправлял» черкеску и бешмет царя формы Собственного конвоя, и его работа была оплачена 10 рублями.

Характер и манера поведения

Многие особенности поведения Николая II были заложены в его детстве. Несколько эпизодов времени детства и отрочества сыграли заметную роль в формировании личности царя.

О них Николай II вспоминал спустя много лет. Так, на маленького Николая глубочайшее впечатление произвел эпизод с шаровой молнией, которая влетела в дворцовую церковь во время службы. Он видел, что император Александр II во время этого происшествия оставался совершенно спокоен, и стремление подражать деду заставило его сознательно выработать необычайное самообладание⁷⁰.

Николай II не сразу обрел навык публичных выступлений и появлений на людях в качестве первого лица. Поначалу он испытывал самый настоящий стресс. Со временем навыки были приобретены, однако, несмотря на всё его внешнее спокойствие и «непрошибаемость», он, как и всякий человек, нервничал, и «внешним образом смущение государя выражалось, например, в столь известном постоянном поглаживании усов и почесывании левого глаза»⁷¹. Эту сохранявшуюся внутреннюю неуверенность царя при внешнем спокойствии отмечали многие внимательные мемуаристы, особенно те, кто мог наблюдать его длительное время в повседневной жизни. Так, один из генералов Ставки вспоминал: «Эти черты государя выявлялись и наружно нервным подергиванием плеч, потиранием рук и излишне частым покашливанием, сопровождавшимся затем безотчетным разглаживанием рукою бороды и усов»⁷².

Постепенно Николай II выработал и определенную «защитную» манеру поведения, ставшую частью его делового стиля: «Все жесты и движения императора Николая II были очень размеренны, даже медленны. Эта особенность была ему присущей, и люди, близко знавшие его, говорили, что государь никогда не спешил, но никуда не опаздывал»⁷³.

Поскольку к каждому слову императора внимательно прислушивались, Николай II рано понял, что последствия самых, на его взгляд, безобидных реплик могут оказаться весьма серьезными. Поэтому он очень редко бывал откровенен с собеседниками и предпочитал слушать, держа свое мнение при себе. Спорить, доказывать то, что для него было совершенно очевидным, он не желал. Молчание же императора многие ошибочно принимали за согласие с их мнением и после испытывали жестокое разочарование, когда император поступал так, как считал необходимым. Тогда немедленно начинались крики о двуличии царя. Ближко знавшие царя люди единодушно отмечали его «умение владеть собою и скрывать свои внутренние переживания. В самые драматические моменты жизни внешнее спокойствие не покидало его»⁷⁴.

Эти спокойствие и сдержанность царя в стрессовых ситуациях были загадкой для современников и порождали самые разнообразные толки. Поэтому сначала слово современникам.

Сдержанность в поведении и оценках в подражание деду формировалась им сознательно с детства, а затем уже стала маской, настолько сросшейся с ним самим, что было трудно разделить развившийся фатализм его натуры и сознательно скрываемые эмоции. Флигель-адъютант А. Мордвинов, тестем которого был К. И. Хис – воспитатель и преподаватель молодого цесаревича, также подчеркивал, что «даже мальчиком он почти никогда не горячился и не терял самообладания»⁷⁵.

Государственная деятельность неизбежно связана с решением сложных, конфликтных ситуаций. Общеизвестно, что царь старался избегать их. Объясняли это по-разному. Одни писали о его воспитанности, которая мешала ему говорить неприятные вещи своим сановникам, другие видели в этом проявление некоего двоедушия и иезуитства. Например, С. Ю. Витте, который не питал особых симпатий к царю, отмечал: «Государь по натуре индифферент-оптимист. Такие лица ощущают чувство страха только тогда, когда гроза перед глазами, и, как только она отодвигается за ближайшую дверь, оно мигом проходит»⁷⁶. Министр народного просвещения А. Н. Шварц писал, что «не сердился он, как будто, никогда. Ни сам я гнева его никогда не видел и от других о проявлениях его никогда не слышал»⁷⁷. Военный министр А. Редигер считал, что, «несмотря на выпавшие на его долю тяжелые дни, он никогда не терял

самообладания, всегда оставался ровным и приветливым, одинаково усердным работником. Он мне говорил, что он оптимист»⁷⁸.

Особенно примечательно поведение царя в стрессовых ситуациях. За время его царствования их было достаточно. Войны – это события, которые потрясают любую державу до основания. В день начала Русско-японской войны военный министр А. Н. Куропаткин записал в дневнике: «28 января 1904 г. На докладе 27 числа государь был бледен, но спокоен»⁷⁹. Посол Германской империи граф Пурталес, сообщивший царю об объявлении войны в 1914 г., также отмечал это необычайное самообладание, которое даже вызвало у него впечатление некой психической аномалии: «31 июля 1914 г. Царь спокойно выслушал меня, не выдавая ни малейшим движением мускула, что происходит в его душе... У меня получилось впечатление, что мой высокий собеседник либо в необычайной манере одарен самообладанием, либо еще не успел, несмотря на мои весьма серьезные заявления, постигнуть всю грозность создавшегося положения»⁸⁰.

Особенно много толков вызвало поведение царя во время отречения. Наиболее часто цитируется фраза официального историографа Ставки генерала Д. Н. Дубенского, произнесенная во время допроса в августе 1917 г.: «Это такой фаталист, что я не могу себе представить... он отказался от Российского престола, как сдал эскадрон»⁸¹. Это показное спокойствие глубоко оскорбило многих и, в свою очередь, заставило спокойно отнестись к смерти самого царя и его семьи летом 1918 г. Но, вместе с тем, генерал, сталкивавшийся с царем только с 1914 г., считал нужным добавить: «Я думаю, будут писать об этом многие психологи, и им трудно будет узнать, а вывести, что это равнодушный человек, – будет неверно».

Чрезмерное спокойствие царя глубоко поразило и принимавшего текст отречения А. И. Гучкова. Во время допроса в Чрезвычайной следственной комиссии 2 августа 1917 г. он поделился своими наблюдениями: «Вообще, я должен сказать, что вся эта сцена произвела в одном отношении очень тяжелое впечатление. что мне прямо пришло в голову, да имеем ли мы дело с нормальным человеком? У меня и раньше всегда было сомнение в этом отношении, но эта сцена – она меня еще глубже убедила в том, что человек этот просто до последнего момента не отдавал себе полного отчета в положении, в том акте, который он совершал... Мне казалось, что эти люди должны были понять, что они имеют дело с человеком, который не может считаться во всех отношениях нормальным»⁸².

Не все разделяли это мнение. О том, что это непрошибаемое спокойствие – только маска, писали те, кто хорошо знал царя на протяжении многих лет. Они подчеркивали, что для сохранения этой привычной маски царю иногда требовались серьезные волевые усилия. Хорошо знавшая его баронесса С. К. Буксгевден вспоминала, что «сдержанность была второй его натурой. Многие спрашивали: отдавал ли он полностью себе отчет в трагичности некоторых событий? – настолько спокойно было его отношение, настолько скрытно было выражение его лица. На самом деле это была маска»⁸³. А. Блок привел слова генерала Д. Н. Дубенского: «Когда он говорил с Фредериксом об Алексее Николаевиче один на один, я знаю, он все-таки заплакал»⁸⁴.

Свои настоящие переживания царь позволял видеть только самым близким людям. Младшая сестра царя Ксения в дневнике писала, что после приема в Зимнем дворце в апреле 1906 г. по случаю открытия заседаний I Государственной думы «многие плакали! Мама и Аликс плакали, и бедный Ники стоял весь в слезах, самообладание его наконец покинуло, и он не мог удержаться от слез!». Очень характерное замечание сестры – «наконец». Видимо, чрезмерное спокойствие государя угнетало даже самых близких к нему людей⁸⁵. А. Вырубова в своих воспоминаниях говорила, что когда царь вернулся в Царское Село после отречения 9 марта 1917 г., он «как ребенок рыдал перед своей женой»⁸⁶. Она же передала слова царя: «Видите ли, это всё меня очень взволновало, так что все последующие дни я не мог даже вести

своего дневника»⁸⁷. Один из биографов царя – Е. Е. Алферьев – в самом названии своей книги выразил мысль о его необычайной воле. Он писал, что «постоянной упорной работой над собой он развил в себе сверхчеловеческое самообладание и никогда не выражал сколько-нибудь явно своих переживаний... По своей природе государь был очень замкнут... Незнание порождало непонимание»⁸⁸.

Такая внешняя и эмоциональная «закрытость» царя имела и объективные причины. Слишком многие люди в беседах с ним искали малейших проявлений каких-либо эмоций, на основании которых они могли бы судить об отношении Николая II к их словам. Царь же желал сохранить полную приватность своих мыслей и настроений, дабы избежать каких-либо толков и сохранить за собой определенную свободу маневра. И для этого необычайно хорошо подходила маска непроницаемого спокойствия. В целом подобное поведение было нетипично для российских монархов, которые в силу своего положения могли себе позволить не сдерживать эмоции, а «царский гнев» вообще был необходимой частью их «царской профессии». Поэтому у П. А. Столыпина и вырвалось однажды: «Да рассердитесь же хоть раз, ваше величество!»

Советские историки 1920-х гг., занимавшиеся этим вопросом, сошлись в том, что это спокойствие есть результат особого психо-эмоционального склада царя. Например, П. Е. Щеголев утверждал: «Чувствительность Николая была понижена чрезвычайно, она была ниже уровня, обязательного для нормального человека»⁸⁹.

Нам представляется, что нет никаких оснований говорить о какой бы то ни было психической аномалии. Столь сдержанное поведение было результатом многолетних волевых усилий, вошедших в привычку, ставших вторым лицом. Кроме этого, религиозность царя, граничившая с фатализмом, также способствовала некому отстраненному взгляду на происходящие события. Да и образ спокойного, державшего себя в руках государя imponировал окружающим. Но imponировал он только в условиях стабильности. В ситуации надвигающегося краха, который отчетливо ощущался многими современниками, это безграничное спокойствие воспринималось как безволие, как психическая аномалия, что в свою очередь подрывало престиж императорской власти.

Об этом патологическом впечатлении писал протопресвитер русской армии и флота Г. И. Шавельский, который в своих воспоминаниях привел весьма любопытную фразу Николая II, произнесенную в июле 1916 г. в беседе с министром иностранных дел С. Д. Сазоновым: «Я, Сергей Дмитриевич, стараюсь ни над чем не задумываться и нахожу, что только так и можно править Россией. Иначе я давно был бы в гробу»⁹⁰.

Очень важна степень воздействия монарха на ближайших сотрудников. Николай I и Александр III обладали отчетливо выраженной харизмой власти. Эта харизма основывалась как на их характерах, так и на способности подчинять. Что касается Николая II, то внутренняя убежденность в божественности своей власти у него присутствовала, но интеллигентный царь считал излишним на кого-то давить. Поэтому на все попытки спорить с ним он отвечал молчанием, а затем, через некоторое время, убирал спорщика с политической арены. Те, кто работал с царем непосредственно, были убеждены в том, что царь «слаб». По мнению В. И. Гурко, с одной стороны, Николай II «не умел внушить свою волю сотрудникам», но, с другой стороны, и «сотрудники его не были в состоянии переубедить в чем-либо царя и навязать ему свой образ мыслей»⁹¹. Трагедией для России стало именно то, что во главе огромной империи на переломе событий оказался человек, не имевший «той внутренней мощи, которая покоряет людей, заставляя их беспрекословно повиноваться»⁹².

Завершая разговор об особенностях характера царя, хотелось бы привести один малоизвестный факт, который вновь порождает непростые вопросы. Николай II, как и его дед и отец, был страстным охотником. По принятому в Министерстве двора порядку в конце каждого охотничьего сезона составлялся итоговый список царских трофеев. В этом списке у Николая II

наряду с традиционными медведями, зубрами, оленями и волками постоянно присутствовали вороны, бродячие кошки и собаки. Причем в невероятных количествах. Так, по подсчетам автора, только за шесть лет (1896, 1899, 1900, 1902, 1908, 1911 гг.) царем были застрелены 3786 «бродячих» собак, 6176 «бродячих» кошек и 20 547 ворон⁹³. Трудно понять, зачем были нужны эти несчастные собаки и кошки царю, где и как он их отстреливал. Не было ли это своеобразным выходом глубоко скрытой агрессии внешне кроткого царя?

Императрица Александра Федоровна

Императрицу Александровну Федоровну в России не любили. А к 1917 г. уже просто ненавидели. Это отношение к императрице проявилось и в описаниях ее внешности: «Нельзя сказать, чтобы внешнее впечатление, производимое ею, было благоприятно. Несмотря на ее чудные волосы, тяжелой короной лежавшие на ее голове, и большие темно-синие глаза под длинными ресницами, в ее наружности было что-то холодное и даже отталкивающее. Горделивая поза сменялась неловким подгибанием ног, похожим на книксен при приветствии или прощании. Лицо при разговоре или усталости покрывалось красными пятнами, руки были мясisty и красны»⁹⁴. При этом никого не интересовало, что у императрицы больные ноги, и «неловкое подгибание ног» связано именно с этим. Однако характер ее действительно был, что называется, сложный.

Своей внешности императрица, как и всякая женщина «с положением и возможностями», уделяла большое внимание. При этом были и нюансы. Так, императрица практически не использовала косметику и не завивала свои прекрасные волосы. Только накануне больших дворцовых выходов парикмахер с ее позволения использовал завивочные щипцы. Императрица не делала и маникюр, «поскольку его величество терпеть не мог намани-кюренные ногти»⁹⁵. Из духов императрица предпочитала «Белую розу» парфюмерной фирмы Аткинсон. Они, по ее словам, были прозрачными, без всякой примеси, и бесконечно ароматными. В качестве туалетной воды она использовала «Вербену»⁹⁶.

Свои парфюмерные предпочтения появились и у великих княжон, когда они подросли. Девочки, как и положено в их возрасте, экспериментировали, но со временем остановились на парфюмерии французской фирмы «Коти». При этом Татьяна предпочитала «Jasmin de Corse» (Корсиканский жасмин), Ольга – «Rose Tee» (Чайная роза). Мария то и дело меняла духи, но в конечном счете остановилась на «Сирени», а неизменными духами Анастасии стала «Фиалка»⁹⁷.

Начавшееся в октябре 1894 г. царствование Николая II немедленно пополнило список поставщиков высочайшего двора новыми портными. Из иностранцев появились только два новичка: фирма «Дэвис и сын» (с 1895 г., Лондон) и фирма портного Редферна (с 1895 г., Париж). При этом следует учесть, что все остальные иностранные портные, вошедшие в список с начала 1860-х гг., продолжали выполнять заказы российского императорского двора.

Особенностью этого периода стало появление собственных списков поставщиков у вдовствующей и у царствующей императриц. Так, в списке вдовствующей императрицы Марии Федоровны к 1915 г. насчитывались четверо портных: Радферн (с 1895 г., Лондон; видимо, у этого мастера были мастерские в Лондоне и Париже); дамский портной Павел Китаев (с 1903 г.) и Рене Бризак, как «преемник французского гражданина Альбера Бризак» (с 1914 г., Петроград).

В списке царствующей императрицы Александры Федоровны упомянуты пятеро портных. Первой петербургской портнихой Александры Федоровны стала в 1902 г. некая Морэн-Блосье. В 1907 г. дамский портной Михайлов пополнил личный список императрицы. Примечательно, что у двух императриц некоторые портные были общими. Так, Павел Китаев, авто-

матически⁹⁸ унаследовавший звание придворного поставщика от своего учителя Ильи Крылова (поставщик с 1878 г.), одновременно вошел в списки обеих императриц в 1903 г. Его мастерская была расположена на Невском проспекте, 68/40, около Аничкова моста.

В мае 1896 г. в Москве состоялась коронация Николая II. В Успенском соборе Московского Кремля на помосте были установлены три трона. Два из них предназначались для вдовствующей и действующей императриц. Для них важной частью подготовки торжеств было шитье парадных платьев для церемонии коронации. Окружение ревниво следило за подготовкой торжественных одеяний императриц.

Платье вдовствующей императрицы Марии Федоровны обошлось в 4040 рублей. Эта сумма включала в себя покупку материала из «серебряной грани», изготовленного на ткацкой фабрике поставщиков императорского двора Сапожниковых (855 рублей). Основная сумма была уплачена за художественную вышивку этой ткани, сделанную в мастерской мадам Залеман (3000 рублей). Шитье самого платья стало самой дешевой позицией (185 рублей). Платье сшила «мастерица Иванова».

Коронационное платье императрицы Александры Федоровны обошлось в 5857 рублей. Примечательно, что эскизы коронационного платья для императрицы готовили и признанные модельеры, и дилетанты. Отвечала за этот «участок работы» фрейлина М. Н. Ермолова, которая представила Александре Федоровне на выбор четыре проекта рисунка платья. Николай II и Александра Федоровна выбрали проект самой фрейлины Ермоловой, составленный по мотивам, взятым в древней ризнице Новоспасского Московского монастыря. Фрейлине-дилетантке за удачный эскиз было уплачено 300 рублей. Окончательной прорисовкой эскиза, шитьем на бумаге и материи занималась госпожа Тейхарт (200 рублей). Материал купили на московской фабрике Сапожниковых (747 рублей). По традиции ткань была с «серебряной гранью» и очень тяжелая. С учетом того, что церемония коронации была очень продолжительной и проходила в переполненном Успенском соборе, а у Александры Федоровны болели ноги, то Сапожниковым поставили задачу изготовить «облегченную» ткань. Они успешно справились с задачей, но заказчикам это стоило денег. Вышивку ткани делали монахини Ивановского монастыря в Москве (4000 рублей). Платье шила самая известная мастерица, специализировавшаяся по парадным платьям, госпожа Бульбенкова (фирма «M-me Olga»). Шитье обошлось в 610 рублей⁹⁹. После коронации мундир Николая II и платье Александры Федоровны были сданы в Оружейную палату.

Со временем у императрицы Александры Федоровны сложился круг собственных модельеров. Из них императрица Александра Федоровна предпочитала вещи «от Бризака». Модный дом, основанный французским гражданином Бризаком, также значился в списках обеих императриц. В 1914 г. торговый дом возглавил Рене Бризак, подтвердив звание придворного поставщика.

Имя Альбера Бризака, или, как его называли в России, Августа Лазаревича, было широко известно в конце XIX – начале XX в. В своих воспоминаниях последний хозяин фирмы Рене Бризак упоминал, что родился в 1885 г. в Петербурге. За несколько лет до этого его «дедушка и бабушка основали в этом городе крупный дом моделей». К 1885 г. у руля фирмы стояли уже родители Рене – Альбер Бризак и его жена. Уже в 1880-х гг. среди клиентов торгового дома «Альбер Бризак» были «ее императорское величество императрица Мария Федоровна, супруга царя Александра III, и вся императорская семья. Позднее клиенткой дома стала ее императорское величество императрица Александра Федоровна, супруга царя Николая II, а также их четыре дочери, великие княжны: Мария, Ольга, Татьяна и Анастасия... Вся одежда, начиная от матросок, которые носили маленькие великие княжны, до платьев и манто, которые они носили, будучи молодыми девушками, выпускалась домом А. Бризак»¹⁰⁰.

Следует отметить, что не только Альбер Бризак выполнял обязанности главного дизайнера-модельера фирмы. Судя по воспоминаниям А. А. Вырубовой, в семейной фирме активно работала и его жена. Более того, А. А. Вырубова прямо упомянула, что у женской половины семьи Николая II портнихой была именно m-me Brizaak. Талантливая женщина-модельер создавала такие фасоны, которые позже дали основания мемуаристам упомянуть, что женская половина семьи Николая II одевалась просто, но со вкусом¹⁰¹. Рене Бризак также упоминал, что «императрица очень любила мою мать, она относилась к ней с большим доверием и часто советовалась с ней относительно своих детей»¹⁰².

Это действительно было так. Императрица Александра Федоровна внимательно следила за внешним видом своих дочерей, и костюмы им шили те же портные, что и самой императрице. Как правило, костюмы заказывались одного и того же покроя для всех четырех дочерей. Или два парных костюма для старших девочек – Ольги и Татьяны и два одинаковых для младших – Марии и Анастасии. Девочки по-разному относились к бесконечным примеркам. Например, великая княжна Татьяна очень любила наряды, и любое платье, даже самое простое, смотрелось на ней великолепно¹⁰³.

Мадам Бризак обшивала кроме императриц значительную часть состоятельных дам Петербурга. Так, в 1907 г., когда Лили Ден первый раз представлялась императрице Александре Федоровне, на ней было «простое белое платье от Брессак и шляпка, украшенная розами». Императрице наряд молодой девушки пришелся по вкусу¹⁰⁴.

Надо признать, что мадам Бризак прекрасно учитывала особенности психологии своих заказчиц, эксплуатируя их тщеславие. Поскольку всем великолепно было известно, что она одевает всех дам фамилии Романовых, она откровенно задирала цены. Одна из мемуаристок приводит следующий эпизод, описывая методы работы мадам Бризак: «Это была высокая смуглая женщина. Всякий раз, как она появлялась, чтобы проследить за примеркой, я указывала ей на дороговизну ее услуг. Брессак сначала смотрела на меня с обиженным выражением лица, затем с заговорщицким видом шептала: «Прошу ваше императорское высочество никому не говорить об этом в Царском Селе, но для вас я сделаю скидку». Позднее Алики рассказывала мне о том, как она посетовала на чересчур высокие цены, на что мадам Брессак ответила: «Прошу вас, ваше императорское величество, никому об этом не сообщать, но я всегда делаю скидку для вашего величества». Мы с Алики от души расхохотались! Вот старая пройдоха! Она так хорошо на нас заработала, что могла жить на широкую ногу в собственном особняке в Петербурге»¹⁰⁵.

Следует отметить, что при заказе каждого нового платья Александра Федоровна всегда интересовалась его ценой и даже сетовала на дороговизну. Это не было крохоборством, это была привычка, впитанная со времен небогатого детства и закрепленная при английском пури-танском дворе королевы Виктории. Ближайшая подруга императрицы писала, что, «воспитанная при небольшом дворе, государыня знала цену деньгам и потому была бережлива. Платья и обувь переходили от старших великих княжон к младшим»¹⁰⁶. Как это ни удивительно, царские дочери в буквальном смысле донашивали одежду друг за другом. Это мемуарное свидетельство подтверждают и счета портных, которые перешивали детскую одежду.

Магазин торгового дома «А. Бризак» входил в неофициальный список «статусных» магазинов, которые могли лично посещать члены императорской семьи. Однако хозяева магазина должны были неукоснительно выполнять определенные требования, связанные с тем, что их покупатели входили в число охраняемых лиц. Например, предприниматели должны были заблаговременно оповещать полицию о намерении царственных покупателей посетить магазин. В связи с этим Р. Бризак писал: «Я очень хорошо помню о штрафе, который был наложен на моего бедного отца полицией в тот день, когда великая княжна Ольга, сестра императора, неожиданно приехала в магазин, застав врасплох мою бедную мать, чтобы посмотреть новые

модели, прибывшие накануне из Парижа. Мой бедный отец просто забыл проинформировать полицейский пост квартала. И только благодаря вмешательству великой княжны Ольги этот штраф никогда не был оплачен»¹⁰⁷.

В 1901 г. Рене Бризак, окончив школу, занялся делами, далекими от семейного бизнеса. Работал подмастерьем в фирме «Центральные электросети», индустриальным дизайнером на металлургическом заводе Лесснера, который одним из первых в России начал изготавливать автомобильные шасси.

В 1906 г. в Шато де Вилар в местечке Сен-Марселин во Франции скончался дедушка Рене, который заложил в Петербурге фундамент семейного бизнеса. В 1908 г. там же скончалась и его бабушка. К началу 1914 г. в торговом доме сменилось руководство. Альбер Бризак и его жена передали семейное дело сыну Рене, который в 1914 г. был включен в список как поставщик обеих императриц. Затем Альбер Бризак с женой уехали из России, но, когда они оказались в Германии, началась Первая мировая война. Бросив все вещи, они бежали из Германии в Швейцарию. После начала Первой мировой войны французский гражданин Рене Бризак отправился во Францию, где принял участие в боевых действиях. Уезжая в августе 1914 г., он оставил во главе торгового дома «А. Бризак» свою жену. Осенью 1914 г. с большим трудом хозяева фирмы – чета Бризак через Англию, Норвегию, Швецию и Финляндию вернулись в Россию. Старые Бризаки были вынуждены вновь возглавить семейное дело. В конце 1914 г. «госпожа В. Бризак» пожертвовала 400 рублей на склад вещей, организованный императрицей Александрой Федоровной в Зимнем дворце¹⁰⁸.

В декабре 1916 г. Рене Бризак получил телеграмму от матери из Санкт-Петербурга о том, что скончался его отец – знаменитый модельер Альбер Бризак. Рене немедленно отправился из Франции в Россию. Надо отметить, что семейство Бризаков было известно не только в России, но и во Франции. Так, в 1916 г. кузен Рене – Марк Бризак являлся главой правительства и министром авиации Франции. Другой кузен – Жюль Бризак был руководителем органов общественной благотворительности.

Вернувшегося в Петроград Рене Бризака в феврале 1917 г. приняла императрица Александра Федоровна. Принимала она его не как главу дома высокой моды «А. Бризак», а как представителя союзной Франции. После того как Рене Бризак прибыл в Александровский дворец, его проводили в маленький зал на первом этаже¹⁰⁹. В этот день Бризак был единственным, кого принимала императрица. Императрица встретила Рене Бризака очень тепло, благословив и поцеловав в лоб. Но разговор между собеседниками так и не коснулся актуальных тенденций женской моды. Заботы были иные. После расспросов о семье императрица начала расспрашивать Бризака о настроении во французской армии, интересовалась его мнением о сроках окончания войны. Видимо, это был один из последних приемов Александры Федоровны накануне Февральской революции 1917 г.

После Февральской революции 1917 г. Бризаки начали постепенно сворачивать семейный бизнес в Петрограде. Они не видели перспектив для развития бизнеса в России, в которой более сорока лет проработали три поколения их семьи. Для такого пессимизма были все основания. Весной 1917 г. торговый дом «А. Бризак» возглавил уполномоченный Петросовета, их лучший кройщик, работавший в фирме с 1899 г. Все счета фирмы были заблокированы, и распорядиться ими Рене Бризак мог только с санкции бывшего кройщика. Бризакам было категорически запрещено переводить деньги в заграничные страны и отправлять туда свой товар. Таким образом, уже весной 1917 г. Бризаки перестали быть хозяевами своего дела. Фактически это был конец одного из известнейших домов мод в России.

В этой ситуации мать и сын Бризаки приняли решение об отъезде из России во Францию. Они попытались «отбить» часть своего имущества. И они добились своего! Рене Бризак подчеркивал, что это удалось осуществить только благодаря «доброжелательному содействию

наших бывших служащих, преданного персонала, большинство которых видели меня еще с моего рождения». Условия сделки с новой властью были следующими: Бризаки оставляли персоналу торгового дома всю недвижимость, нажитую за сорок лет жизни в России, включая все товары дома моделей. В распоряжение служащих передавался склад с великолепными мехами – шиншиллами, соболями и горностаями. Также там оставались уникальная коллекция кружев, большое количество тканей, среди которых были многочисленные отрезки прекрасных лионских броше, которые заказывались для придворных выездов и для пошива стильных платьев. Кроме того, Бризаки обязывались выплатить авансом каждому из рабочих и служащих торгового дома, а их насчитывалось в 1917 г. около двухсот человек, полностью годовую зарплату. На этих условиях Бризакам позволили вывезти все личные драгоценности и сумму в десять тысяч рублей, или двадцать пять тысяч золотых франков.

В 1923 г. Рене Бризак, будучи в Финляндии, последний раз посетил Петроград. Он пробыл в городе только один день: «Имя Бризак было слишком известно в России, более полувека мы имели честь быть поставщиками императорской семьи, и очевидно, что это не могло понравиться Советской власти»¹¹⁰. В 1930 г. умерла мать Рене Бризака, которая на протяжении многих лет была соратницей выдающегося модельера Альбера Бризака. Она похоронена в Париже на кладбище Монпарнас.

Наряду с Бризаками всем придворным дамам было хорошо известно имя модельера Ольги Николаевны Бульбенковой (1835–1918). Она стала создательницей модной мастерской, специализировавшейся на шитье роскошных придворных платьев. Поскольку так называемое русское придворное платье предполагало золотое шитье, ширина которого зависела от положения дамы в придворной иерархии, то золотошвейные работы исполнялись в мастерской И. А. Васильева, расположенной на Екатерининском канале. Золотое шитье на придворных платьях, предназначенных для царской семьи, исполнялось в московском Новодевичьем монастыре. В начале XX в. делами практически руководила ее племянница – Ариадна Константиновна Виллим (1890–1976).

Следует отметить, что шитое золотом женское придворное платье как важный элемент дворцовой формы появилось при Николае I, в начале 1830-х гг. 27 ноября 1833 г. А. С. Пушкин отметил в дневнике: «...осуждают очень дамские мундиры – бархатные, шитые золотом – особенно в наше время, бедное и бедственное»¹¹¹. В 1834 г. женская «придворная форма» была подробнейшим образом регламентирована в Своде законов Российской империи: «Штатс-дамам и камер-фрейлинам: верхнее платье бархатное зеленое, с золотым шитьем по хвосту и борту, одинаковым с шитьем парадных мундиров придворных чинов. Юбка белая из материи, какой кто пожелает, с таким же золотым шитьем вокруг и на переди юбки. Наставницам великих княжон: верхнее платье бархатное синего цвета; юбка белая; шитье золотое того же узора. Фрейлинам ее величества: верхнее платье бархатное пунцового цвета; юбка белая; шитье то же, как сказано выше. Фрейлинам великой княгини: платье и юбка, как у фрейлин ее величества; но с серебряным придворным шитьем. Фрейлинам великих княжон: платье бархатное светло-синего цвета; юбка белая; шитье золотое, того же узора. Гофмейстринам при фрейлинах: верхнее платье бархатное малинового цвета; юбка белая; шитье золотое. Приезжающим ко двору городским дамам предоставляется иметь платья различных цветов; с различным шитьем, кроме, однако ж, узора шитья, назначенного для придворных дам. Что же касается до покроя платьев, то оный должны иметь все по одному образцу, как на рисунке показано.

Всем вообще дамам, как придворным, так и приезжающим ко двору, иметь повойник или кокошник произвольного цвета, с белым вуалем, а девицам – повязку равным образом произвольного цвета и также с вуалем»¹¹².

Эту нишу, связанную с изготовлением шитых золотом придворных платьев, и занимала модельер Ольга Бульбенкова.

Наряду с Бризаками и Бульбенковой императрица Александра Федоровна безоговорочно доверяла вкусу модельера Надежды Ламановой. Именно в ее мастерской исполнялась большая часть костюмов по заказу российского императорского двора и аристократии.

Надежда Петровна Ламанова (1861–1941) родилась 14 декабря 1861 г. в русской провинции, в деревне Шутилово Нижегородской губернии. Отец – Петр Михайлович Ламанов – был потомственный дворянин из обедневшего рода. Семья находилась на грани разорения, когда двадцатилетняя Надя после окончания курса местной гимназии уехала из родительского дома в Москву, чтобы самостоятельно зарабатывать на жизнь. Проучившись два года в школе кройки О. Суворовой, в 1879 г. она перешла на самостоятельную работу – закройщицей в известную мастерскую Войткевичей.

В 1885 г. Н. П. Ламанова открывала в Москве свое дело, а уже через два-три года ее мастерская приобрела широкую известность в среде живописцев, актеров, режиссеров. После открытия собственной мастерской и первых признаний ее таланта Надежда Петровна продолжала учиться – теперь в Париже – у известных в Европе модельеров. Несколько позднее произошло знакомство с выдающимся французским кутюрье Полем Пуаре, перешедшее затем в длительную творческую дружбу.

В этот период Надежда Петровна создала серии блистательных придворных туалетов, подлинных шедевров. Эти вещи красноречиво говорят о том, что их творец – художник высочайшего класса, обладающий при этом оригинальным русским почерком.

В 1901 г. К. С. Станиславский пригласил Ламанову в Московский художественный театр. Она трудилась в костюмерной мастерской практически сорок лет – до последних дней своей жизни. Под руководством Надежды Петровны «работались» костюмы для всех спектаклей театра. Круг друзей художницы к этому времени расширился. Среди близких ей людей были В. И. Мухина, М. Горький, М. Ф. Андреева, В. А. Серов. Кисти последнего принадлежит портрет Надежды Петровны, написанный в 1911 г.

Говоря об основных тенденциях моды конца XIX в., следует иметь в виду, что после всемирной выставки в Париже на смену «историзму» пришел стиль модерн. Бальные платья начала XX в. являются одной из многочисленных граней этого изящного стиля. Силуэт их определял особой конструкции корсет, придававший фигуре S-образный изгиб, подчеркиваемый лифом с напуском и юбкой, плотно облегающей бедра и веером распускающейся к полу. В этом силуэте нашел выражение эстетический идеал стиля модерн с его тяготением к волнистым формам и текучим линиям. Шили эти платья из мягких пластичных струящихся тканей светлых пастельных тонов: дымчатого, серебристо-серого, палевого и т. д. Часто использовался принцип многослойности: шифон, газ и тюль, положенные на атлас или парчу, приглушали блеск этих тканей, заставляя мерцать в зависимости от освещения, создавая особый декоративный эффект. Подлинным воплощением стиля является и декор костюмов. Он многообразен по решению: вышивка блестками, бисером и синелью с характерным для модерна использованием в орнаменте стилизованных растительных мотивов. Широко использовались кружева¹¹³.

В первом десятилетии XX в. с костюмом стали происходить дальнейшие трансформации, но при этом сохранялись стилевые доминанты модерна. Так, более стройным стал силуэт, исчез корсет, сильно стягивавший фигуру. Одной из особенностей моды стало соединение тяжелых тканей – бархата, парчи, атласа с полупрозрачным воздушным газом, шифоном и тюлем. Своего апогея достигло великолепие декора нарядных туалетов. Часто платье из тонких, воздушных тканей украшала тяжелая вышивка стеклярусом, металлической нитью, мехом.

Дошедшие до нас платья Александры Федоровны дают возможность составить представление о вкусовых пристрастиях императрицы. Близкие к ней мемуаристки подчеркивали, что «одевалась она очень хорошо, но не экстравагантно. Она подбирала наряды к своему типу внешности и ненавидела крайности моды»¹¹⁴. Дома императрица любила носить блузки с юбкой. Этот женский взгляд на императрицу, вероятно, более точен, чем мужской, утверждав-

ший, что «женская суетность была ей абсолютно чужда; нарядами она вовсе не интересовалась»¹¹⁵. Что касается отношения к экстравагантности в одежде, известно, что императрица категорически не воспринимала «последний крик моды» – узкие юбки.

Любимыми цветами императрицы были голубой, лиловый, сиреневый, белый, серый и светло-розовый¹¹⁶. Александра Федоровна предпочитала длинные ниспадающие широкими складками платья, в которых выглядела очень привлекательно¹¹⁷. Большая часть этих платьев была сшита в ателье Альбера Бризака, Ольги Бульбенковой и Надежды Ламановой.

У императрицы имелись предпочтения и в обуви, ей больше импонировала обувь с длинным заостренным носком. Александра Федоровна обычно носила замшевые золотистого или белого цвета туфельки. Атласные туфли она не надевала никогда¹¹⁸.

Что касается ювелирных украшений, то императрица, как всякая женщина «с возможностями», их весьма высоко ценила и прекрасно разбиралась в качестве ювелирных изделий. По свидетельству мемуаристки, «перстни и браслеты она действительно любила и всегда носила перстень с крупной жемчужиной, а также крест, усыпанный драгоценными камнями»¹¹⁹.

В соответствии с программой очередного дня Александра Федоровна сама составляла список вещей, которые она предполагала надеть на следующий день. Так называемые комнатные девушки Александры Федоровны тщательно готовили одежду, выкладывая ее в гардеробной. У прислуги в распоряжении были электроутюги и гладильные доски, а в списке поставщиков значились специалисты по чистке и покраске одежды. Кроме того, вся одежда императорской семьи стиралась только в механической прачечной Аничкова дворца. Одевалась императрица сама, без посторонней помощи.

Хранению одежды и белья в Александровском дворце Царского Села, который с 1905 по 1917 г. являлся постоянной жилой резиденцией российского императора, уделялось самое пристальное внимание. На первом этаже дворца, на царской половине, располагалась комната дежурного гардеробщика Александры Федоровны (комната № 60), неподалеку находилась гардеробная Николая II (комната № 66). В этих помещениях в дубовых шкафах хранились повседневные вещи императорской четы.

На втором этаже, в коридоре, рядом с комнатами цесаревича Алексея, в ясеневых шкафах хранились военные мундиры и фуражки цесаревича. На этом же этаже, вдоль коридора великих княжон, в ясеневых шкафах держали костюмы кормилиц детей Николая II (шкаф № 1); «русские»¹²⁰ платья княжон (№ 2); пальто и меха (№ 3); платья, головные уборы и перчатки княжон (№ 4); шляпы, шарфы, зонтики и трости (№ 5); подушки и прочие подношения княжнам (№ 6); саше, носовые платки, воротнички, полотенца, накидки и прочие подношения в виде русских кустарных кружев (№ 7). Хранились даже ленты (!) от подносившихся букетов, которые занимали целый шкаф (№ 8). В десятом шкафу хранились японские костюмы, поднесенные княжнам. В одиннадцатом – одеяла и накидки, поднесенные княжнам, детские костюмы, шапочки, трости, пояски и прочие вещи наследника Алексея. В этом же коридоре (у стены, справа) стояли сундуки, в которых перевозились вещи княжон во время путешествий. Шкафы для хранения одежды располагались и в комнатах великих княжон. Например, в уборной великих княжон (комната № 9) в шкафах хранились русские маскарадные костюмы (боярыни и кучера), традиционные маскарадные костюмы (маркизы и пьеро) и национальные костюмы. В этом же шкафу находились костюмы сестер милосердия, которые почти постоянно носили девочки с осени 1914 г. Там же были и мемориальные вещи – военный сюртук времен Александра I¹²¹.

В комнатах антресольного этажа, располагавшихся между первым и вторым этажами, хранились основные «стратегические» запасы царской одежды. В гардеробной Александры Федоровны (комната № 1) в дубовых шкафах находились платья, сшитые в мастерских А. Бризака и Н. Ламановой. В ясеневых шкафах на площадке деревянной лестницы – зонты, веера

и шляпы Александры Федоровны, в том числе изготовленные в мастерской поставщика высочайшего двора Бертрана. В гардеробной Николая II (комната № 2) кроме обычных дубовых шкафов для одежды присутствовали еще и металлические чемоданы-кофры, которые использовались для перевозки одежды царя во время заграничных вояжей. В комнате № 3 на антресолях хранились меховые вещи Александры Федоровны. В этой же комнате находилась дежурная портниха, на случай каких-либо срочных переделок.

Поскольку у Николая II было огромное количество мундиров различных полков русской и иностранных армий, то для них выделялась еще одна комната (№ 4), в которой жил камердинер царя. Там, перед комнатой, в ясеневых шкафах хранились костюмы, мундиры и белье императора. В комнате гардеробщика (№ 5) также стояли шкафы с военным обмундированием. В сундуках лежало белье. Примечательно, что в комнате гардеробщика находился мужской манекен царя, который видимо, постоянно использовался портными, для того чтобы освободить царя от примерок. Можно добавить также, что после того как в начале 1920-х гг. в Александровском дворце была развернута выставка, посвященная повседневной жизни царской семьи, в 1922 г. из гардеробов Зимнего дворца в Царское Село отправили комплекты одежды дворцовой прислуги. На черно-белых фотографиях 1920-х гг. хорошо видны манекены арапов, лакеев и скороходов, одетых в свои роскошные мундиры.

К сожалению, о других портных-поставщиках мы знаем значительно меньше. Из российских портных царствования Николая II можно упомянуть Ивана Вагина (поставщик с 1895 г.); Евдокию Иванову (с 1898 г.); Александру Трофимову (с 1898 г.).

Среди персонала, обслуживавшего российских императоров, были и весьма узкие специалисты. Так, двум российским императорам – Александру III и Николаю II с 1881 г. стирала и «ремонтновала» рубашки некая Клара Г. Коиффевр. Она же вышивала монограммы на рубашках и стирала царские носки. Буквально. При случае почтенная Клара занималась и ночными сорочками императрицы Александры Федоровны. Царская семья была действительно экономной, поскольку на рубашках «ремонтновались» не только воротнички, но и рукава.

Надо отметить, что расценки были весьма высокие. Так, только в мае 1903 г. прачка заработала «на носках» – 104 рубля 40 копеек. 2 мая стирка шести женских сорочек – 51 рубль; 6 мая вышивка шести монограмм «под короной» – 6 рублей. К 13 мая прачка выполнила следующие работы: перешила воротники на 17 рубашках за 17 рублей; «поправила» шесть эплет за 4 рубля 50 копеек; постирала 17 рубашек за 8 рублей 50 копеек; в этот же день постирала шесть черных подтяжек за 9 рублей, а также выстирала 36 носков за 5 рублей 40 копеек. Все это было привезено во дворец, с оплатой транспортных расходов в сумме 3 рубля. В июне все было скромнее: перешиты рукава восьми рубашек (8 рублей); заштопаны четыре рубашки (6 рублей); постираны восемь рубашек (2 рубля 80 копеек) и четыре пары черных подтяжек (7 рублей). Перевозка рубашек в Петергоф – 3 рубля.

У поставщиков императорского двора приобретались также шляпы и перчатки. Для Николая II на протяжении 1903 г. несколько раз заказывались перчатки «у Моррисона» на общую сумму 222 рубля 30 копеек. Поставщик императорского двора с 1872 г. Фабрицио Бруно (фирма «Братья Бруно») заработал в 1903 г. на царских заказах только 36 рублей, продав шелковый цилиндр за 16 рублей и мягкую шляпу за 12 рублей, взяв 8 рублей за доставку.

Императоры верхом

Говоря о внешнем облике российских императоров, следует также упомянуть и о такой особенности, как их навыки и умение держаться на лошади. Следует иметь в виду, что первый памятник российской монументальной скульптуры – «Медный всадник» Этьена Фальконе увековечил Петра I верхом. Это было данью европейской традиции. Конный памятник первому лицу – это неотъемлемый атрибут европейской художественной традиции. Все мы пом-

ним памятник Николаю I на Исаакиевской площади работы Э. Монферрана и барона Клодта. Николай I действительно был прекрасным наездником и легко управлялся с лошадьми, верхом на которых прошла значительная часть его жизни.

Что касается его сына Александра II, то современники весьма критично оценивали его навыки наездника. При этом следует иметь в виду, что первые лошадки-пони у царских детей появлялись в 3–4 года, а систематически учить верховой езде их начинали с 7 лет. Тем не менее мемуарист утверждает, что «государь Александр II ездил неважно, постоянно шпоря лошадь, когда она стояла на месте, и не замечая того»¹²². Возможно, скульпторы учитывали это, поскольку на конном памятнике Александру II, сооруженном в Софии, император спокойно сидит на спокойной лошади, без всяких акробатических упражнений. В России преобладали его «пешие» памятники.

Александр III тоже был плохим кавалеристом. Это во многом связано с весом императора, которому требовались лошади-тяжеловесы. Доброжелательно относящийся к Александру III граф С. Д. Шереметев писал о царе: «Ездок он был плохой и вообще не охотник до верховой езды. Кавалерийской жилки у него не было, и это ставилось ему многими в упрек»¹²³. Тем не менее самым известным памятником царю так и остался конный памятник работы Паоло Трубецкого. В результате конкурса вариант Трубецкого выбрала сама вдовствующая императрица Мария Федоровна. Памятник этот воспринимался публикой очень по-разному. Либеральная интеллигенция считала его пародией на российское самодержавие. Монархисты видели в нем символ незыблемости российской монархии. Споры об этом памятнике не утихают по сей день.

Самой лихой кавалеристкой среди российских императриц считалась императрица Мария Федоровна, жена Александра III. Граф С. Д. Шереметев упоминал, что «цесаревна наслаждалась верхом, скакала через рвы и канавы, брала препятствия, с трудом за нею угонялись»¹²⁴. Дочь императрицы писала: «Мама... обожала лошадей, но папа их терпеть не мог»¹²⁵.

На акварелях придворного художника М. Зичи запечатлено несколько сюжетов участия цесаревны Марии Федоровны в лихих псовых охотах. При этом иконография остальных императриц XIX в. почти совершенно исключает сюжеты, изображающие их сидящими верхом. Есть единственная картина О. Верне, посвященная Царскосельской карусели 1842 г. На этой картине изображена императрица Александра Федоровна в средневековых одеждах, спокойно сидящая верхом в дамском седле.

Николай II был хорошим кавалеристом. Он уверенно держался в седле, но при этом верховую езду не любил¹²⁶. Поэтому когда у царя появилась возможность, он с удовольствием поменял лошадь на автомобиль. К концу своего правления Николай II, даже принимая парады, объезжал строй полков в автомобиле. Тем не менее во время особо торжественных случаев Николая II старались «усадить» на лошадь. Это делало императора более солидным. Дело в том что рост в 168 сантиметров не добавлял царю представительности. Кроме того, у него была непропорциональная фигура – короткие ноги при длинном туловище. Лошадь и седло скрывали эти недостатки царя, представляя его подданным в требуемом величии. Удивительно, но и императрица Александра Федоровна иногда садилась на лошадь. В мае 1906 г. Николай II записал в дневнике: «Аликс ездила верхом».

Глава 2

Взаимоотношения в семье

Семья традиционно занимает важное место в жизни любого мужчины. Так было и при российском императорском дворе. Но при этом в обыденном сознании всегда бытовало представление, что «жениться по любви» на императорском уровне невозможно. Отчасти это действительно так, тем не менее практически в течение всего XIX в. браки при российском императорском дворе заключались именно по любви¹²⁷.

Для подбора невест молодым великим князьям к началу XIX в. сложилась определенная методика. Как правило, русских великих князей по завершении образования отправляли в европейские турне, основной задачей которых был подбор невесты среди многочисленных немецких принцесс. При этом конкретные кандидатуры цесаревичам не навязывались. Просто маршрут их путешествия по Европе планировался так, чтобы у цесаревича была возможность увидеть всех потенциальных невест. Опытные дипломаты тактично подводили невест, «согласованных на всех уровнях», к российским женихам.

Традиция женитьбы на иностранках была заложена Петром I, который женил своего сына Алексея на немецкой принцессе и выдал своих сводных племянниц Анну и Екатерину за герцогов Курляндии и Мекленбурга. С этого времени именно немки возглавили список невест на российском брачном рынке. За весь XIX в. только одна российская императрица была датчанкой, все остальные являлись именно немками, как и подавляющее число жен великих князей. Немки отвечали многим практическим соображениям.

Екатерина II

Во-первых, протестантки легко меняли вероисповедание, принимая накануне замужества православие. На рубеже XVIII–XIX вв. была сделана единственная попытка породниться с католическим домом Габсбургов через замужество одной из дочерей Павла I.

Этот брак был во многом обусловлен популярными тогда идеями сближения католической и православной церквей, что отчасти проявилось и в том, что Павел I стал гроссмейстером католического Мальтийского ордена.

После этого русских великих княжон за католиков не выдавали.

Во-вторых, воспитанные в бедных семьях, они были домовитыми женами, которые рачительно вели хозяйство императорской или великокняжеской семьи.

В-третьих, приехав в Россию, немки не тащили за собой родню, но при этом вводили своих русских мужей в круг самой родовой европейской аристократии. Таким образом, в браках с немецкими невестами было больше плюсов, чем минусов.

Брак Александра I был далек от идеала даже для того весьма свободного времени. Екатерина II начала подыскивать невесту любимому внуку с 1790 г., когда ему исполнилось еще только 13 лет. Выбор был сделан именно Екатериной II. Из множества кандидаток она выбрала дочь маркграфа Баденского – Луизу-Марию-Августу. Окончательно вопрос решился, когда потенциальная невеста в октябре 1792 г. прибыла в Петербург. Великому князю Александру Павловичу, которому на тот момент было 15 лет, 13-летняя девочка-невеста понравилась. 9 мая 1793 г. состоялось миропомазание 14-летней принцессы Луизы, которую нарекли великой княжной Елизаветой Алексеевной. 10 мая последовало обручение с великим князем Александром Павловичем, а 28 сентября 1793 г. – бракосочетание.

Когда молодые повзрослели, они осознали, насколько далеки они друг от друга... Все внешние формы брачных отношений были соблюдены, но супружеских отношений фактически не существовало. Тем не менее у Елизаветы Алексеевны родились две дочери – Мария (1799–1800) и Елизавета (1806–1808). При этом можно с большой долей уверенности утверждать, что вторая дочь императрицы родилась от связи с конногвардейцем Охотниковым. У Елизаветы Алексеевны при родах второй дочери возникли осложнения, которые сделали ее бесплодной. Александр Павлович знал об этой связи, но закрывал на нее глаза, поскольку сам жил на две семьи.

Мемуаристы упоминают о многочисленных любовных связях Александра I, некоторые из них были мимолетными (актриса Фаллие, мадам Шевалье, девица Жорж, фрейлина В. И. Туркестанова), а другие продолжались годами. Его фактической женой стала одна из первых кра-

савиц петербургского света М. А. Нарышкина (урожденная княжна Четвертинская), которая родила царю троих детей. Двое из них умерли в раннем детстве, а Софья – в 1824 г.¹²⁸ При этом прекрасная полячка М. А. Нарышкина являлась женой обер-егермейстера Д. Л. Нарышкина. Один из современников писал об Александре I: «Государь любил общество женщин, вообще, он занимался ими и выражал им рыцарское почтение, исполненное изящества и милости»¹²⁹.

Не сложилась семейная жизнь и у второго сына Павла I – великого князя Константина Павловича. В феврале 1796 г. его женили на саксен-кобургской принцессе Юлиане-Генриетте-Ульрике, при миропомазании нареченной великой княгиней Анной Федоровной. Этот брак был бездетен, что дало формальные основания для развода в марте 1820 г. Уже в мае 1820 г. 41-летний Константин Павлович сочетался вторым, морганатическим браком с 25-летней полячкой Иоанной Грудзинской, получившей после того титул светлейшей княгини Лович.

Старшие братья, испытывавшие все трудности непростых отношений с женами, искренне желали счастья младшему брату и поэтому не давили на него. Брак будущего Николая I, конечно, готовился заранее. Вопрос о браке с прусской принцессой Шарлоттой-Фредерикой-Луизой-Вильгельминой обсуждался в семье еще в 1808–1809 гг., когда Николаю было только 15 лет. Окончательно вопрос был решен в 1813 г., когда Александр I увидел принцессу в Силезии. Однако последнее слово оставалось за женихом.

С династической и дипломатической точек зрения этот брак был выгоден и Пруссии, и России. После разгрома Наполеона Россия наряду с Англией доминировала в Европе. Пруссия же, ослабленная наполеоновскими войнами, нуждалась в сильном союзнике. Поэтому прусский король Фридрих-Вильгельм одобрил возможность этого брака. Потенциальная невеста получила добротное образование, поскольку с ней занимались профессора Берлинского университета.

Впервые Николай Павлович увиделся с принцессой Шарлоттой 21 февраля 1814 г., когда прибыл в Берлин. Российского великого князя приняли в прусской королевской семье. Между молодыми (18 и 16 лет) возникла взаимная симпатия. После многочисленных согласований в октябре 1815 г. было объявлено о помолвке, но брак отложили до совершеннолетия молодых. Видимо, к этому решению подтолкнул печальный опыт Александра I.

В сентябре 1816 г. в Берлине состоялось обручение молодых по протестантскому обряду. В апреле 1817 г. Николай Павлович вернулся в Петербург. Вскоре принцесса Шарлотта с братом тоже выехали в Петербург. Наконец, в июне 1817 г. состоялась церемония обращения невесты в православие, которую нарекли Александрой Федоровной. На момент брака жениху шел 22-й, а невесте 20-й год. Церемония бракосочетания состоялась 1 июля 1817 г. в Большой церкви Зимнего дворца.

Это был брак по любви. Это был личный выбор великого князя, хотя и тщательно подготовленный старшим братом. На протяжении всей жизни Николай Павлович с трогательной внимательностью относился к своей супруге – императрице Александре Федоровне. К ней он проявлял предельную заботу, окружая ее всей возможной пышностью. На половине императрицы в Зимнем дворце традиционно собиралась вся большая семья, центром которой была слабая и постоянно недомогавшая Александра Федоровна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.